

ЭЛИН СЬЁБЕРГ

18+

*Сканкан
для нежной
девочки*

Часть 1

Элин Сьёберг

**Капкан для нежной
девочки. Часть 1**

«ЭКСМО»

2015

Сьёберг Э.

Капкан для нежной девочки. Часть 1 / Э. Сьёберг — «Эксмо»,
2015

ISBN 978-5-699-75727-5

Красотка Элино́р, работающая на местной радиостанции маленького шведского городка ди-джем, случайно знакомится с приезжим молодым миллионером Кристофером. Страсть, которая вспыхивает между ними, неуправляема и порочна. Молодые люди словно пытаются понять, где же предел сексуальным фантазиям, и когда наслаждение переходит в мучительную пытку... Кристофер вдруг приобретает старинный заброшенный замок, который когда-то, согласно местной легенде, принадлежал «Синей Бороде», и Элино́р с удовольствием переселяется туда. Кристофер позволяет Элино́р заходить во все комнаты замка, но категорически запрещает ей подниматься на самую высокую башню. Но любопытство Элино́р неудержимо, и старая башня открывает ей главную тайну...

ISBN 978-5-699-75727-5

© Сьёберг Э., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Элин Сьёберг

Капкан для нежной девочки

Глава 1

*«Хорошие» и «плохие» зеркала
Мужчины никогда до конца не уверены, застегнута ли у них
ширинка
Можно ли раздвинуть ноги взглядом?
Стерилизация как способ борьбы с агрессией
Разница между писсуаром и унитазом
Парадоксы голубой крови, или Сказочка на ночь*

Ненавижу ездить в Стокгольм поездом. И совсем не потому, что опасаюсь путешествовать по железной дороге. Это в детстве я боялась, что пойду в вагоне в туалет, а тут случится катастрофа, и я позорно погибну, сидя на унитазе со спущенными трусиками. Мне даже иногда снились настоящие ужасы, как меня, мертвую, спасатели достают из покореженного туалета. При этом они скорбно хихикают, поглядывая на мой голый зад.

От тех детских страхов маленькой Эли, как по сию пору называют меня родители, уже не осталось ровным счетом ничего. Скоро мне исполнится двадцать пять лет. Это же страшно подумать – аж целая четверть столетия. Для большинства людей, которые знают меня, я – фрекен Мартинссон. Если кто знаком со мной поближе – просто Элинор.

А вот возвращаться на поезде из столицы в наш небольшой городок Хёгкуль, расположенный на юге страны, будет для меня одно удовольствие. Нет, никакого парадокса в этом не просматривается, сколько ни приглядывайся. Просто ехать приходится ночью. Ты валишься спать, но заснуть не можешь, смежаешь веки только к рассвету и оживаешь в восемь утра. Через десять минут поезд прибывает на Центральный вокзал Стокгольма, и надо срочно привести себя в порядок.

Туалет, как водится, занят. Поэтому приходится наносить макияж и причесываться прямо в купе, глядя в маленькое «походное» зеркальце. Потому как большое, укрепленное на стене, оккупировали твои попутчицы, не поленившиеся проснуться пораньше. Обычно это толстые тетки, каких немало и в нашем Хёгкуле.

Вообще-то, не представляю себе, зачем им укладывать волосы, красить ресницы, растирать тени по векам, пудрить носы? Этим дамам достаточно лишь причесаться. Неужели они думают еще кого-то соблазнить? Да и душок от них исходит отвратительный, они уже давно не пахнут так, как настоящие женщины. Вот эти красотки и наводят марафет по полной программе.

А мне приходится пользоваться маленьким зеркальцем, в котором и один свой глаз толком не разглядишь. Так я крашусь, подвожу губы, складываю их трубочкой, разминаю так, словно собираюсь сейчас выйти в эфир. Футлярчик с тушью перекачивается по столу, грозя сорваться на пол, постоянно приходится его придерживать оттопыренным мизинцем.

Все это повторяется каждый раз, когда я приезжаю из нашего захолустья в столицу. Можно, конечно, проснуться пораньше и попытаться первой захватить большое зеркало, висящее на стенке купе. Но если я не высыпаюсь, то потом целый день ничего не соображаю, выгляжу и говорю как самая настоящая дура. Потому и не люблю ездить поездом в Стокгольм. Но чем ты еще поедешь? Автобус или машина не для дальних путешествий, в них вообще не поспишь, не приляжешь.

Вот и теперь, в первый понедельник августа, я приехала на Центральный железнодорожный вокзал и, конечно же, первым делом увидела свое отражение в зеркале на перроне. Помоему, оно, установленное на колонне, вообще неправильное. Я выглядела в нем куда толще, чем была на самом деле. Вот дома у меня есть мое любимое зеркало – узкое и высокое, в самом центре старого трехстворчатого бельевого шкафа. Там я всегда безумно стройная.

«Чего ты ждала от этого противного зеркала, то в нем и увидела, – сказала я себе. – Что еще можно было ожидать? Глаза-то ты наредила, но так, словно левый принадлежит какой-то одной Элинор, а правый – совсем другой девушке, да и прическа сделала кривоватый, разобрав свои шикарные пепельные волосы на два хвостика.

Ну и черт с ним, – решаю я. – Кому ты собираешься понравиться? Этому непробиваемому функционеру Юхону Улссону, отвечающему в Классической либеральной партии за связь с общественностью? Так он вообще не мужчина и, строго говоря, даже не человек в служебное время. Он функция и фикция одновременно. Говорит не то, что думает, а озвучивает партийные документы. Никогда не могла представить его с кем-то в одной постели. Он, наверное, и голый выглядит так важно, словно на нем деловой костюм, синяя рубашка и малиновый галстук».

Будь моя воля, никогда не пошла бы на встречу с ним. Но дело в том, что моей волей в этом вопросе никто не интересовался. Наша маленькая FM-станция, на которой я работаю модератором, как и множество ей подобных, живет за счет рекламы, в основном политической. К нашему счастью, в Швеции множество партий, есть даже с почти одинаковыми названиями. Каждая пытается представить себя перед избирателями в лучшем свете. Вот они и вкладывают деньги в рекламу.

Почему-то в нашем лане на местных выборах чаще всего побеждает Классическая либеральная партия. Хотя население моих родных мест я скорее назвала бы патриархально-консервативным, таким, каков мой древний платяной зеркальный шкаф. Но дело в том, что партии с названием «патриархальная» не существует, вот потому наши жители, наверное, и голосуют за классических либералов.

Настроение испорчено с самого утра, поэтому я начала себя уговаривать по методике, почерпнутой в глянцево-м журнале:

«Не переживай, Эли. Ты самая красивая, счастливая, соблазнительная и умная, самая богатая», – говорю я себе и тут же осекаюсь, потому как понимаю, что бессовестно загнула.

Умных и богатых не посылают на встречи. Они сами выбирают, с кем и где им встречаться. Кстати, у меня есть идиотская манера, присущая всем интровертам – мысленно переживать, раз за разом прокручивать в голове неприятные моменты жизни, обычно те, в которых я чувствовала себя униженной. Знаю, что от этого на душе становится только гаже. Но что поделаешь, если натура у меня такая?

Вслед за осознанием того, что я ужасно выгляжу, моментально всплывает в памяти позавчерашний поздний звонок, прозвучавший в моем доме. Я уже и забыла, когда меня последний раз беспокоили по городскому телефону. Старомодный аппарат, доставшийся мне от прежних владельцев, стоит в прихожей на полке возле гардероба, забытый и покинутый, а оттого несчастный, почти как его теперешняя хозяйка.

Время – далеко за полночь. Уже полчаса как я вернулась из радионной студии после эфира. Как полная дура, голая и мокрая, я выскакиваю из-под душа, хватаю трубку, а в ней даже не тишина, а именно молчание. На мои «алло» никто и не собирается отвечать.

Я слышу только возбужденное дыхание и не сомневаюсь, что мне прямо в ухо сопит именно мужчина. Такие вещи ощущаешь спинным мозгом, животом. Дыхание у него властное, я сперва даже не нахожу в себе силы положить трубку, стою в холодном коридоре и слушаю.

Мне начинает казаться, что этот наглец каким-то неведомым образом видит мою ничем не защищенную наготу, чувствует ее, облизывает взглядом. Мурашки от этого бегут по мокрой

спине, и кровь приливает к лицу. Вода стекает с меня на доски пола. Я с ужасом вижу, как от моей груди поднимается то ли пар, то ли дымок, словно, начинаю тлеть изнутри.

Только после этого я бросаю трубку, но почему-то не сразу отхожу от аппарата. Неужели жду, что он вновь позвонит?

К черту! Все, не буду больше думать про этот дурацкий поздний звонок. Пусть думает о нем тот, кто учинил такую мерзость – это его проблемы, а не мои.

Итак, в первый понедельник августа я вышла на Центральном железнодорожном вокзале Стокгольма с сумкой на плече и спустилась на станцию метро «Т-Централен». Вагон раскачивается на рельсах, а я стою у двери и тупо созерцаю свое отражение. Бывают минуты, когда ненавидишь себя за то, что делаешь. Вместо того чтобы нежиться в своей постели в Хёгкуле и рассуждать, стоит ли подняться прямо сейчас, или же кофе подождет, ведь до вечернего эфира еще уйма времени, я, пропуская над головой все столичные красоты, еду под землей на встречу, которая по нервному истощению наверняка отнимет у меня год жизни. Хорошо еще, если это будет в старости. Тогда можно и смириться. А если мне предстоит умереть молодой и красивой? Тогда случится явно неравноценный обмен.

А во всем виноваты владелец радиостанции Эдвин Берг, тридцатипятилетний неисправимый циник, начинающий лысеть, и моя подруга, выпускающий редактор, она же корреспондент Марта Лофгрэн. Они почему-то уверили себя, а следом и меня, будто встречаться с представителем по связям с общественностью Юхоном Улссоном лучше всего именно мне. Мол, херр Улссон на меня глаз положил. Ничего он на меня не клал, это я точно знаю. Его ничто не может пробить, ведь, у него дипломатическое образование и даже какой-то минимальный стаж работы при нашем посольстве в Бразилии. А карьерные дипломаты – самые непробиваемые существа в мире, хуже варанов.

Ясное дело, Эдвин, владелец станции, договорился с этим классическим либералом обо всех денежных вливаниях. Мне же предстоит только вежливо выслушать его указания и получить партийные материалы с документами. Потом нам с Мартой мне следует проглотить их, переварить и превратить в репортажи, интервью, в комментарии, да и просто в экспромты, вставленные мной в ответы на телефонные звонки слушателей, звучащие между музыкой. Боже, какой подлой тварью я себя ощущаю в такие моменты. Люди включают радиоприемники, настраиваются на волну, надеясь на откровенный разговор по душам, а взамен получают порцию проплаченной, не то чтобы откровенной лжи, но – как бы помягче сказать?.. – не совсем правды.

И вот я вышла со станции. Время около девяти. По совету Марты Лофгрэн на мне довольно-таки короткая темно-синяя юбка, не доходящая до колен, с разрезом спереди длиной где-то с мою ладонь, а пальцы у меня не короткие, могу взять одновременно одной рукой на фортепиано «до» первой октавы и «ми» второй. Замечу, что обычно я предпочитаю носить джинсы. Облачившись в них, не приходится постоянно следить за тем, плотно ли сведены мои колени, когда приходится садиться. Белая блузка с широким воротником немного помята, зато идеально свежая. Ну и светло-бежевый жакет с металлическими пуговицами. На ногах незамысловатые туфельки из хорошо выделанной кожи с невысоким каблуком.

Так что я сама скромность, если не считать трех обстоятельств: длины юбки с разрезом, того, что на мне чулки, а не колготы, и блузки, несколько маловатой в области груди. Ее полы между перламутровыми пуговичками расходятся колечками и даже позволяют мельком рассмотреть кружевной бюстик. Что поделаешь, шить на заказ дорого и хлопотно, а купить готовую под мой размер проблематично. Однако не носить же из-за этого блузку на пару размеров больше. Ненавижу балахоны, люблю все обтягивающее и облегающее.

Я тут впервые. Партия открыла новый головной офис, и недавно сюда переехало ее руководство. Здание так себе, классический хай-тек даже без претензии на оригинальность. Блестящие конструкции из нержавеющей стали и полированного алюминия, красный облицовочный

кирпич, зеркальные стекла. Вот разве что вентиляционные короба выведены наружу и покрашены во все цвета радуги, что почему-то сразу наводит меня на мысль о том, что архитектор так хотел засвидетельствовать свою приверженность к нетрадиционной ориентации. У входа вяло колыхается партийный флаг и золотится эмблема. На меня сверху нагло пялится рыбьим глазом оптики камера наружного наблюдения. Так и захотелось тут же показать ей интернациональный непристойный жест, оттопырив безымянный палец.

Но, естественно, я сдерживаюсь и думаю:

«Когда-нибудь потом ты, Элинор, так и сделаешь. Но только не сейчас. Теперь от твоего визита зависит не только твоя работа, но и доход тех людей, которые трудятся вместе с тобой на станции. Ты же не хочешь, чтобы они перебивались с хлеба на воду вместе с тобой?».

Я толкаю стеклянную дверь. Та открывается абсолютно бесшумно и без усилий, словно бы за ней стоял кто-то невидимый и потянул ее на себя, лишь стоило мне прикоснуться к ручке. Интерьер холла меня впечатлил. Я не сразу пришла в себя и только потом поняла, в чем дело. Тут слишком много пустого места. Если бы кто-нибудь из великих кинорежиссеров решил сделать современную экранизацию Ганса Христиана Андерсена, то именно так должно было бы выглядеть царство Снежной королевы – бездушное и стерильное пространство. Белые стены, такой же потолок, зеркала и полированный металл.

Проклятые зеркала! Я вновь получаю возможность убедиться в том, что катастрофа сегодняшней ночи никуда не исчезла: глаза, словно разъехавшиеся в стороны от постоянного вращения, кривоватый пробор, да и ноги я как-то странно ставлю, словно косолаплю. Продолжить занимательные исследования собственной внешности мне не позволяет крашенная рыжая Валькирия, притаившаяся за стойкой. Я не сразу и заметила эту низкорослую особу.

– Чем могу помочь? – проворковала она.

Следует признать, голос у нее хорошо поставлен, это я, профессионал, сразу определила. Такого самостоятельно не добьешься. Для этого придется посещать занятия, брать уроки у профессионала. Думаю, сама она за них не платила. Какой-нибудь функционер залез ради нее в партийную кассу. В конце концов, оно и правильно. Эта рыжая Валькирия, как-никак, лицо классических либералов, ее видишь первой, входя в офис.

– У меня назначена встреча, – говорю я, стараясь произносить слова по всем правилам дикторского искусства.

– Ваша фамилия? – подхватывает игру Валькирия.

Губы ее старательно артикулируют каждое слово, глаза не бегают, значит, она посещала курсы для теледикторов, где вдобавок к произношению учат, как следует подавать себя в кадре.

«В конце концов, какое мне до нее дело? Пусть красит волосы в рыжий, как медная проволока, цвет, делает себе перманентный контур губ. Для меня это просто неприемлемо. Ведь тогда я буду выглядеть просто ужасно со смятой помадой. Люди решат, будто мой рот провалился».

– Фрекен Мартинссон к херру Улссону. Юхону Улссону, – с интонациями Джеймса Бонда добавляю я.

Рыжая явно завидует моему бюсту, ведь на ней свободная блузка, какие обычно надевают те дамочки, у которых грудь маловата. Ее выдает беглый взгляд, брошенный в вырез.

«Это обстоятельство уж никакими занятиями на курсах для теледикторов не исправишь, – злорадно думаю я. – Разве что вкачать пару литров силикона в каждую сиську. Взгляд мужчины так обмануть еще можно, однако не его пальцы, губы... – Я тут же ужасаюсь. – О чем ты думаешь, Элинор? побыстрее переживи свой получасовой позор, отработай деньги, которые дает вашей радиостанции эта чертова партия, и катись отсюда в свой Хёгкуль».

– Минуточку, – произносит рыжая и включает внутреннюю связь. – Фрекен Мартинссон к херру Улссону, – дублирует она мои слова.

Это получается у нее очень чувственно, как в рекламе. Я так говорить всерьез не умею, у меня только понарошку выходит нечто похожее.

– Да, разумеется, – говорит Валькирия и поднимает глаза на меня. – Проходите, фрекен Мартинссон, херр Улссон ждет вас.

– Вы не против, если я оставлю у вас за стойкой свою дорожную сумку?

– У нас есть специальная камера хранения, она у лифта, – с видом превосходства сообщает мне рыжая.

– Благодарю, – отвечаю я слегка надменно, обозначаю движение к лифту и тут же спохватываюсь, что не спросила, где кабинет, в котором меня ожидает херр Улссон.

Но обращаться к рыжей Валькирии за помощью еще раз – это сейчас ниже моего достоинства. Ведь у нее-то, в отличие от меня, и глаза накрашены симметрично, и пробор идеальный.

– Второй этаж, прямо напротив лифта, – бросает она мне в спину подсказку, наверняка прочувствовав мою ошибку.

Я оставляю дорожную сумку в ячейке, забираю ключик. Створки кабинки лифта сходятся с мелодичным звуком, доносящимся из динамиков, укрепленных над моей головой. И тут вновь зеркала – передо мной, за спиной, сбоку. Я, растиражированная отражениями, могу рассмотреть себя со всех сторон, даже не поворачивая головы. Не так уж плохо и выгляжу. Определенная неряшливость даже придает мне шарм. Или это только самоутешение?

Интересно, какие картинки видели эти зеркала? Кого и в какие моменты жизни отражали? Мне почему-то кажется, будто в кабинке пахнет развратом. Ведь стоит мужчине и женщине оказаться в тесном замкнутом закутке, и граница, как принято теперь говорить, личного пространства немедленно нарушается. В голову неминуемо приходят всякие непристойные мысли и желание их реализовать. Это как в танце, когда дается легальная возможность обнять друг друга, вдохнуть чужой запах, но при этом не перейти границы пристойности.

И все же вряд ли эти зеркала видели что-то более серьезное, чем депутата ландтага, проверяющего, хорошо ли застегнуты у него брюки. Здание невысокое, на пять этажей, развернуться не успеешь, да и камера наблюдения в кабинке, скорее всего, установлена.

Вновь звучит мелодичное «блям», и створки кабинки расходятся. Все так, как и пообещала мне рыжая Валькирия. Прямо напротив лифта располагается дверь кабинета с блестящей табличкой, извещающей, что за ней обосновался представитель по связям с общественностью. С одной стороны, напротив лифта или туалета выделяют кабинеты тем, кого не сильно ценят коллеги, с другой – профессия обязывает херра Улссона быть ближе к посетителям. Честно говоря, я так и не поняла, это для него наказание или привилегия.

«Я самая красивая, привлекательная...», – накручиваю я свое эго.

В учреждениях стучаться не принято, вот я и толкаю дверь, к тому же о моем визите предупреждены. Херр Улссон сидит за столом и внимательно вглядывается в экран компьютера. Я не вижу изображения, но по отражениям в глазах Юхона тут же догадываюсь, что разглядывает он не документы, а фотографии и, скорее всего, частные.

Я демонстративно выключаю свой мобильник. Мужчины, особенно чиновники, такое любят. Это придает им важности в собственных глазах.

– Здравствуйте! – Он нереально жизнерадостно вскакивает из-за стола, словно всю жизнь только и ждал моего визита.

В его порыве столько неискренности, что я даже позволяю себе улыбнуться. Интересно, так ли он фальшивит с теми, кого любит? И вообще, способен ли на это? Должны быть люди, которые ему дороги. Мать, отец, братья. Или карьерные дипломаты уже рождаются такими вот – в темно-синих костюмах с малиновыми галстуками на шеях?

Моя улыбка слегка смущает хозяина кабинета, он почти незаметно проводит пальцем по застегжке брюк, проверяя, не разошлась ли. У мужчин, какие бы посты они ни занимали,

какое бы образование ни получили, есть эта неистребимая привычка. Если женщина внезапно улыбается, глянув на них, то они в первую очередь проверяют, застегнуты ли брюки. Будто для улыбки не может быть других причин. Но мужчины устроены так, что постоянно думают о своем члене, вернее сказать, о том, что он у них есть.

Убедившись, как ему кажется – незаметно, в идеальном состоянии застегивки, херр Улссон бросается пожимать мне руку. Я спокойно обошлась бы и без этой церемонии. Мне далеко не всегда приятно прикосновение к чужому телу. Но я понимаю функционера, его обязывает политкорректность. Не дай бог, кто-то заподозрит, что он делает различие между посетителями по гендерному признаку. Мужчинам руки пожимает, а вот женщинам – нет.

– Присаживайтесь, – произносит Улссон, указывая на одно из кожаных кресел перед журнальным столиком.

Я сажусь и тут же чувствую, что кресло низковатое, колени оказываются выше моего копчика, а потому мне приходится плотно сжать ноги. Юхон уже расположился напротив.

Я ловлю два его коротких взгляда. Один брошен в вырез моей блузки – легкое разочарование, но не размером, а тем, что там плотный лифчик. Второй взгляд приходится точно по линии плотно сжатых ног. Я его не только вижу, но и ощущаю напряжением в самом низу живота. Он словно делает не слишком настойчивую попытку раздвинуть мне колени. Может, правы Марта и Эдвин, херр Улссон и в самом деле положил на меня глаз? Или даже два? Функционер ухожен, прическа у него идеальная, словно только что встал из кресла в парикмахерском салоне.

– Фрекен Мартинссон!.. – возвращает меня к реальности Юхон. – К сожалению, не могу предложить вам кофе, кофеварка сломалась. Желаете минеральной воды?

Улссон меня абсолютно не возбуждает, а потому и горло от волнения не пересохло. Я с легкостью отказываюсь от его предложения.

– Спасибо. Возможно, позже. – Я беру из вазочки микроскопическую конфету-леденец, шуршу красочной оберткой, отправляю маленький красный шарик в рот и смотрю на хозяина кабинета.

Мол, не пора ли приступать к делу?

Улссон подвигает на середину стола бумаги, сложенные в прозрачные файлы. Столешница стеклянная, под ней в широком деревянном выдвигном поддоне насыпан тонкий песок и лежит гребешок. Я с удивлением обнаруживаю свои имя и фамилию, а также сегодняшнюю дату, написанные на песке. В голове тут же всплывает картинка из детства. Я с отцом на пляже, он учит меня писать мое имя палочкой на влажном песке. Я стараюсь, но никак не успеваю вывести все буквы, волны набегают и заглаживают написанное.

Юхон перехватывает мой взгляд, берет деревянный гребешок и стирает им написанное, после чего поясняет:

– Это моя «вечная» записная книжка.

Я начинаю видеть в функционере человека и уже готова выдавить из себя «как романтично», но херр Улссон тут же спешит испортить, разрушить тот образ, который возник передо мной.

– Наша партия большое внимание в своей предвыборной программе уделяет проблемам экологии, – сухо говорит он. – Мы стараемся свести к минимуму расход бумаги. Поэтому в новом офисе в каждом кабинете есть такая песочная записная книжка. Ведь для производства только одной пачки бумаги требуется...

Мне хочется зевать, я даже перестаю слушать, что он говорит, и думаю:

«Тогда какого черта, ты, херр эколог, сделал для меня распечатки, а не послал все в цифровом виде по электронке? Почему я должна была ехать на встречу в Стокгольм? Ведь и железнодорожный билет тоже печатается на бумаге».

Юхон тем временем продолжает пододвигать ко мне документы и вещает:

– Необходимо заинтересовать вашу аудиторию деятельностью нашей партии по сохранению исторических памятников, природных объектов, культуры этнических и других меньшинств.

Я согласно киваю. Слова правильные, но такие же пустые и малосодержательные, как его рукопожатие. Юхон делает паузу, которую я ошибочно воспринимаю как окончание беседы. Нет, ведь еще не все распечатки перекочевали ко мне.

– Мы не должны забывать обо всех слоях избирателей, разных общественных объединениях.

«А вот сейчас он начнет говорить об обществе защиты животных», – думается мне, и на этот раз я не ошибаюсь.

– Наши аналитики провели мониторинг интернет-ресурсов и прессы, – продолжает вещать Улссон с серьезным видом. – Одной из тем, часто упоминаемых и обсуждаемых в социальных сетях, является стерилизация бродячих животных и последующая передача их желающим в семьи. Стерилизованное животное теряет свою агрессивность. Вот на этом следует делать акцент. Наша партия...

«Ага, при стерилизации теряет агрессивность. – Я хищно усмехаюсь в душе, принимая очередной файл. – Отрезают яйца котам и собакам. Может, и с мужской агрессией стоит бороться таким вот образом? Что бы вы сказали, уважаемый херр Улссон, если бы я предложила вам первому подать такой пример? Стали бы вы пялиться после этого в вырез моей блузки?».

– Еще одна тема, которую нельзя обойти вниманием – наличие писсуаров в мужских общественных туалетах.

– Не поняла. – Я теряюсь в догадках.

Честно говоря, я вообще никогда толком не задумывалась о существовании писсуаров. Первый и, думаю, последний раз, я очутилась в мужском общественном туалете в летнем студенческом лагере во время учебы в университете. Не помню, какой уже был праздник, но пива тогда все мы выпили изрядно. Я, конечно, тоже. Возле женского туалета образовалась очередь, которую не каждая могла отстоять. Вот наши мальчики и проявили галантность, сообразили уступить кабинки в своем туалете дамам, сами же пользовались писсуарами. Насколько помню, всем было весело.

Ни один мускул на лице Юхона не дрогнул, он с прежним серьезным видом стал объяснять суть проблемы, которая свелась к следующему. Группа феминисток развернула масштабную кампанию против существования такого приспособления, как писсуар. Мол, оно оскорбляет женщин. Мужчины специально придумали его, чтобы подчеркнуть свою половую принадлежность. Мужчина может воспользоваться писсуаром, а женщина – нет. Следовательно, мужчины унижают противоположный пол, подчеркивая наличие у себя члена.

Мне тут же вспоминается старый анекдот о ссорящихся муже и жене. Муж сказал ей всего лишь: «Ты не права, моя дорогая». В ответ же услышал: «Ты говоришь, что я не права? Ты говоришь, что я вру? Ты говоришь, что я брешу? Так ты меня сучкой назвал!». Однако озвучивать этот анекдот при Улссоне я не решаюсь, вспомнив его гендерную корректность с рукопожатием.

– И что они предлагают взамен? – интересуюсь я с невинным видом.

– Демонтировать писсуары. Туалеты сделать общими, с кабинками. Все должны пользоваться унитазами, поскольку те приспособлены как к мужской анатомии, так и к женской.

У меня чуть не вырывается, что унитаз как раз-то и не в каждом случае приспособлен к мужской физиологии! Благо воспоминания еще свежи – туалет в поезде. Мужики то крышку поднять забудут, то мимо унитаза попадут. Однако я решаю не развивать дискуссию.

– Судя по опросам, проблема заинтересовала более пяти процентов общества, – оправдывается Улссон. – И мы не можем ее игнорировать. Это голоса на выборах.

Я хочу живо представить себе обсуждение такой проблемы у нас в патриархальном Хёг-куле, и у меня ничего не получается. Больше того, мне самой не улыбается ходить в общий туалет-унисекс. Скажем, понадобится просто подтянуть чулки. Так что, прикажете из-за этого уединяться в тесной кабинке? С такой логикой можно и презервативы запретить, как унижающие женское достоинство. Мужчина может его надеть, а вот дама – никак.

Я с тревогой смотрю на последний файл. Что же Юхон мне припас на десерт? Интрига длится недолго и вроде бы разрешается самым безобидным образом. Улссон придвигает ко мне распечатку.

– Здесь сказка, которую желательно озвучить в вашем эфире в то время, когда детей дошкольного возраста укладывают спать, – говорит он.

Если бы я первый год работала на радиостанции, то, возможно, просто кивнула бы и положила бы сказку себе в сумочку. Но я воробей стреляный. Сказки бывают разные. Ненавижу графоманов и музыкантов-любителей. Всегда настороженно отношусь к слушателям, которые звонят в студию и предлагают прочесть по телефону стихи собственного сочинения или прослушать музыкальную композицию школьной группы. Даже если стихотворение адресовано любимой девушке, это еще не значит, что бездарные строчки должна слушать вся аудитория радиостанции.

– Кто автор этой сказки? – осторожно интересуюсь я, боясь услышать, что ее сочинил сам херр Улссон.

– Честно говоря, не знаю, – отвечает он, пожимая плечами. – Там должно быть написано. Мы взяли ее из программы министерства образования.

Я с облегчением вздыхаю. В министерстве сидят профессионалы, вряд ли они прибегли к услугам графомана. Но все же осторожность берет во мне верх, я вытаскиваю листки, принимаюсь читать. Слог хороший, чувствуется, что писал профессиональный литератор. Вот только с содержанием что-то не то. Я даже не сразу понимаю, что именно.

«В одном королевстве в давние времена, когда еще нас не было на этом свете, жили два принца».

Мой взгляд скользит по плотной офисной бумаге, я, даже читая про себя, уже представляю, как буду озвучивать текст в эфире низким вкрадчивым голосом, чтобы не потревожить покой детей, отходящих ко сну. Я машинально отмечаю для себя, что если речь идет о двух принцах, живущих в одном королевстве, то они должны быть родными братьями. Но в сказках всякое случается! И эта не оказывается исключением. Принцы, которые почему-то раньше не встречались, знакомятся, когда один из них почему-то играет в лесу на рояле.

Я пытаюсь представить себе эту сценку. Прекрасный принц играет ноктюрны Шопена. Второй идет на звуки сквозь чащу, а потом подглядывает за принцем-пианистом из кустов, боясь нарушить идиллию. Подглядывать, вообще-то, нехорошо, мало ли что взбредет человеку сделать, когда он думает, что никто его не видит? Пусть даже это и прекрасный принц. И тут меня переключивает.

«Принцы познакомились и полюбили друг друга».

На всякий случай я перечитываю эту строчку. Нет, я не ошиблась, так черным по белому и написано: «полюбили друг друга». Я пытаюсь найти более-менее рациональное объяснение этой фразы. В конце концов, можно любить родину, мать, отца, братьев, сестер, пиво и помидоры. Можно любить хорошего друга. Но как-то среди мужчин не принято так говорить: «Мы полюбили».

Все мои объяснения, как корабль в бурю о скалы, разбиваются уже через пару абзацев. Оказывается, принцы не только полюбили друг друга, но вскорости и поженились. Так вот почему нигде не упоминалось о том, что они, с точки зрения формальной, а не сказочной логики, должны быть братьями.

Добивает меня финальный аккорд: «... и у них родилась дочь».

Точка, конец цитаты.

Юхон, надо отдать ему должное, терпеливо ждал, когда я дочитаю сказку. Возможно, еще и потому, что я от прочитанного почти потеряла контроль над собой. Лишь отложив листки, я обнаруживаю, что сижу так, как привыкла в джинсах, то есть широко разведя ноги.

Колени мои резко сходятся. Херр Улссон вздрагивает и поднимает взгляд. Наши глаза встречаются. Я краснею, а вот он ни капельки, смотрит холодно, словно знает то, что мне недоступно.

– Я так и не смогла нигде найти имя автора, – произношу я, стараясь оставаться спокойной. – А потому предполагаю, что это народная сказка. К тому же не шведская.

– А чья же? – Наконец-то в Юхоне просыпается какой-то интерес не только к моему телу.

– Переводная – английская. Ведь в английском языке слово «принц», «принцесса» имеет еще и жаргонное значение. Так называют мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации.

– Вы имеете что-то против геев? – Улссон спрашивает так, словно сам является таковым и не паялился только что в разрез моей юбки.

– Что вы, я ничего против них не имею, – заученно говорю я. – Среди моих друзей есть несколько представителей сексуальных меньшинств. Но мне кажется, что эта сказка не совсем то, что следует слушать нашим детям в постели перед сном.

– Она рекомендована министерством образования в рамках общеевропейской программы воспитания в детях толерантности к меньшинствам, – говорит Улссон так, словно выносит приговор.

Я все же собираю остатки разума и вспоминаю, что министр образования является членом их партии, а потому и сворачиваю дискуссию. Проблема писсуаров в стиле унисекс меркнет в моем сознании на фоне истории про принцев, женатых друг на друге, умудрившихся зачать и родить дочь.

А потому я сдаюсь, беру бумаги и запикиваю в свою сумочку. Она маленькая, мне приходится перегибать их пополам. Только сейчас я нащупываю в одном из файлов диск. Все-таки Юхон согнал мне и цифровой вариант. Я чуть не сломала диск.

Видя мое замешательство, херр Улссон напоминает:

– Не выпьете минеральной воды?

– С удовольствием, – мямлю я.

Горло и в самом деле пересохло. Чертовы принцы!..

Я выпиваю залпом холодную воду. Вкус у нее такой, словно ее произвели, растопив снег. А что ты хотела? Здесь же владения Снежной королевы.

Глава 2

*О чем думают мужчины, когда женщина ест банан
Никогда не путайте парик со скальпом
Подземные макаки – омерзительные существа
Что может впечатлить старого медика?
Шикарный лимузин всегда немного похож на дорогой гроб*

Не помню даже, попрощалась я с херром Улссоном за руку или просто выскочила из кабинета. Мне уже сделалось все равно. Наша следующая встреча состоится не скоро. А теперь быстрее на свежий воздух!.. В кабинке я даже не успеваю толком посмотреть в зеркала, створки с мелодичным бляканием расходятся.

– Всего хорошего, – говорю я рыжей Валькирии, сидящей за стойкой.

Быстрее на свободу.

– Фрекен Мартинссон, погодите! – окликает меня Валькирия.

Я торможу и бесцеремонно интересуюсь:

– В чем дело?

Не дай бог, херр Улссон забыл мне вручить очередную сказку.

– Ваша дорожная сумка, – напоминает мне Валькирия.

Я возвращаюсь от принцев голубой крови на землю. Она права. Я забыла забрать дорожную сумку, а это неправильно.

– Благодарю. – Я плетусь назад, вытаскиваю из ячейки свой багаж, при этом не перестаю рассуждать:

«Странное решение – оборудовать в офисе партии ячейки, прямо как в супермаркете. Для чего? Чтобы террористам было куда подложить бомбу? Или тут дверцы бронированные?».

Но нет, дверцы самые обыкновенные.

Интересоваться этим у меня уже нет сил, поэтому я спрашиваю о другом:

– Где у вас туалет? – Меня так и тянет добавить «дамский», но я сдерживаюсь.

А про наличие какого еще туалета может спрашивать дама? Хотя кто их знает, этих классических либералов? Может, в новом офисе они уже успели устроить туалетные комнаты в стиле унисекс?

Я иду в указанном направлении. Нет, на двери нарисована соответствующая пиктограммка. Ставлю сумку на подоконник и без комплексов начинаю переодевание. К черту официальную одежду, моя работа на сегодня окончена. Я хочу чувствовать себя свободно и непринужденно. К тому же у меня все для этого припасено. Облегающие джинсы, светлая футболка с большим вырезом, открывающим правое плечо. Бюстик тоже к черту. Моя грудь, конечно, большого размера, но абсолютно не обвисшая, а упруго устремленная вперед. Вот и все с одеждой.

Теперь можно заняться лицом. У большого зеркала перед умывальниками я раскладываю на полочке косметику и исправляю последствия утренней катастрофы. Это занимает не так уж много времени. Всего несколько штрихов, и глаза у меня уже симметричные. Я улыбаюсь своему отражению, а оно – мне.

Я покидаю центральный офис классических либералов с легкой душой. Даже рыжая Валькирия не способна его омрачить.

– Всего хорошего, – говорю я ей на прощание.

– Всего наилучшего, – звучит мне вслед так, словно я слышу: «Катись к черту!»

Свободна! Вот что звучит у меня в голове. Безоблачное небо над городом звенит хрустальными колокольчиками. С моря дует свежий ветер. Его аромат не в состоянии подавить

ни дымящие автомобили, ни трубы электростанции. Глядя на белый дым, поднимающийся над ними, мне хочется думать, что это фабрика по производству облаков.

Теперь мне нужно добраться до вокзала, сдать сумку в камеру хранения, взять обратный билет. Потом до самого вечера можно будет бродить по столице и наслаждаться тем, что меня здесь никто не знает. Это у нас в Хёгкуле приходится здороваться чуть ли не с каждым встречным. Конечно же, в Стокгольме наберется человек сто знакомых вместе с родственниками, но вряд ли мы встретимся сегодня. Теория вероятности не позволит такому случиться.

Тут я вспоминаю, что вырубил мобильник. А ведь мне могут позвонить по работе. Я включаю телефон, уже собираюсь сунуть его в футляр, но тут на экран вываливается сообщение о пропущенном звонке. Однако номер почему-то не определен.

В памяти всплывает картина из недавнего прошлого. Теперь я вижу себя словно со стороны. Я, голая и мокрая, стою в холодной прихожей. В ухо мне врывается тихое, но властное мужское дыхание, а по спине бегут мурашки. Ну почему мне кажется, что один дурацкий звонок связан с другим? Что это тот же самый человек? Меньше фантазировать надо, Эли. Это из-за того, что ты слишком уж занята своей работой. Надо уметь иногда развлечься и отдохнуть.

Менее чем через час я с обратным билетом в кошельке, со свободными руками и легкой сумочкой на плече вновь спускаюсь в метро. Путь мой лежит в Средиземноморский музей. Ну, не удалось мне в этом году поехать к теплему морю, полежать под пальмами, так хоть на время окунуть в атмосферу Древней Греции и Рима, полюбуюсь античными скульптурами и мозаиками.

По дороге я покупаю банан. Лучший способ перекусить на ходу.

Текст сказочки про принцев голубой крови и результаты опросов среди женщин насчет присутствия писсуаров в мужских туалетах, конечно же, лежат в моей сумочке и тикают как бомба с часовым механизмом, напоминая о деньгах, вкладываемых классическими либералами в нашу радиостанцию. Однако я стараюсь о них сейчас не думать. Придет время, напомнят о себе сами. А теперь я свободна!

Я стою на перроне. Каждый звук гулко разносится под сводами станции. Наблюдаю пятилетнего малыша с матерью. Мальчик безуспешно пытается разорвать шелестящую пачку с чипсами. Мать садится перед ним на корточки и раскрывает пакет. Малыш принимается аппетитно хрустеть, и я тут же чувствую голод. Последний раз я ела у себя дома, перед отъездом в Стокгольм, если не считать, конечно, микроскопический, но, надо признать, вкусный леденец, которым я угостилась в кабинете херра Улссона.

Я решаю не заморачиваться на своих комплексах, достаю из сумки банан и очищаю его верхушку. Кожура теперь свисает как увядшие лепестки белой лилии. Я откусываю маленький кусочек. Есть надо неизменно по чуть-чуть, тогда быстрее приходит ощущение сытости. Я буквально разминаю спелый банан передними зубами, превращаю его в кашицу. Губы берегу, боясь смазать старательно наложенную помаду.

Из тоннеля уже сквозит, приближающийся поезд, как поршень из цилиндра, выталкивает перед собой прохладный воздух. Состав выносится из темноты, слепя людей фарами, плавно покачивается и замирает возле перрона.

Я вхожу в разошедшиеся створки двери. Вагон полупустой. Люди расположились в нем так, чтобы никто не вторгнулся в их личное пространство. Каждый едет сам по себе. Я сажусь на лавку и понемногу поглощаю банан.

У нас в Хёгкуле нет ничего страшного в том, если смотришь встречному человеку в глаза. В больших же городах люди ведут себя так, словно они находятся в лесу. Все прочие для них будто бы деревья. Главное – не столкнуться, обойти «ствол». Поэтому в открытую разглядывать соседей здесь избегают, лишь, изредка бросают косые взгляды и тут же отводят их, если замечают, что любопытство изобличено.

Напротив меня сидит пятидесятилетний мужчина в деловом костюме, на коленях кейс, поверх него электронная книжка. Ему постоянно мешает галстук, выскальзывает и падает на экран. Вместо того чтобы заправить основательно или вообще снять, мужчина просто отодвигает его рукой. Но при каждом качании вагона галстук снова выскальзывает и закрывает ему обзор.

У этого любителя почитать на ходу приметная прическа – коротко стриженные густые-прегустые волосы. В первый момент мне даже показалось, что это войлочная шапочка, выкрашенная в темно-коричневый цвет. Ее края отделаны идеально. Наверное, он подстригался сегодняшним утром. Вот только чего этот субъект так усмехается?

Я перехватываю его взгляд. Он косится на меня. Вернее, на то, как я покусываю банан. Мне тут же становится ясен незамысловатый ход его мыслей. Про что еще могут думать мужчины, глядя на девушку с бананом в руке? Тут и трех раз гадать не стоит. Ну и пусть себе думает. Я всего лишь голодна и просто ем. Мне и дела нет до его эротических фантазий. Интересно, пришла бы ему в голову такая параллель, если бы перед ним сидела не я, а мужчина? И с кем это он сейчас так весело переглянулся?

Я перехватываю траекторию взгляда моего визави. Ага, теперь они заодно в своих фантазиях: старый хрыч в деловом костюме и моложавый албанец – единственный пассажир в вагоне, который стоит на своих двоих. Эмигрант с кучерявыми неопрятными волосами пялится на меня и одновременно подмигивает любителю почитать. Вот, мол, с этой дамочкой все ясно.

На плече у албанца расположилась милая обезьянка в ошейнике с длинным кожаным поводком. Она свесила хвост и корчит мне рожи. Возможно, ей тоже не дает покоя банан в моей руке, но уже лишь в гастрономическом качестве.

Я могла бы и поделиться с ней, но не хочется подниматься и ввязываться в общение с неопрятным албанцем. Ведь он, судя по виду, промышляет со своей макакой сбором милостыни и едет сейчас к месту работы.

Состав замедляет ход, приближаясь к станции. И тут макака, до этого державшаяся более-менее спокойно, вдруг запрыгивает на поручни. Албанец не успевает схватить конец поводка. Обретя свободу, обезьяна, стремительными прыжками пересекает вагон под самым потолком. Она задерживается над любителем чтения, а затем повисает над ним и задними лапами скальпирует. Вернее, это мне в первые мгновения кажется, что старый хрыч оскальпирован. В задних лапах у обезьяны его волосы, снятые целиком.

Макака перемахивает поперек вагона, прыгает мне на колени. Моя рука соприкасается с еще теплым скальпом, я верещу как ужаленная скорпионом и тут же оказываюсь наказанной за это. Мой недоеденный банан интересует макаку лишь во вторую очередь. Первым делом она передними лапами оттягивает вырез моей майки и коротко, но ужасно больно кусает меня за грудь. Теперь я уже не верещу, а ору на весь вагон.

Состав останавливается, двери открываются. Албанец в замешательстве, но рассудок все-таки подсказывает ему правильный алгоритм действий. Он опрометью бросается вон. Отвратительная хвостатая тварь выхватывает у меня огрызок банана, повизгивая, волоча за собой поводок, выскакивает следом.

Створки двери съезжают, состав трогается с места. Я вижу албанца и макаку, сидящую у него на плече. Мне кажется, что обезьяна показывает лапой интернациональный непристойный жест, хотя, возможно, она просто прощается со мной. Огрызок банана торчит из ее оскаленной пасти.

Я спохватываюсь, сбрасываю с колен скальп и только сейчас понимаю, что это парик. Любитель чтения пытается прикрыть обширную блестящую лысину носовым платком.

Мои соотечественники – народ добрый, они редко радуются чужому горю. Но в данном случае мало кто удерживается от улыбки. Я сижу и, скосив глаза, плююсь на свою грудь, вывалившуюся из-под майки. На нежной холеной коже, к которой я мало кому в жизни позволила

прикасаются, четко читаются следы зубов. Крови немного. Пятидесятилетний хрыч сидит на корточках и прилаживает на голову свой дурацкий парик. От волнения он надевает его задом наперед.

– Вам помочь? – слышу я сочувственный голос и оборачиваюсь.

– А чем вы можете мне помочь? – спрашиваю в свою очередь я, уставившись на молодого парня с наушниками, спущенными на плечи.

– Ну, я не знаю... – теряется он. – Может, вам плохо?

– После укуса обезьяны я чувствую себя просто великолепно, – говорю я, вспоминая про обнаженную грудь и прячу ее под майку.

На белом трикотажном полотне тут же проступают кровавые пятнышки.

Более идиотской ситуации я не могу себе представить. Оказаться искусанной макакой под землей в самом центре Стокгольма! Подобное возможно лишь с моим везением. Пострадала моя грудь, которой я гордилась всегда, с того самого дня, когда она стала у меня появляться. Разумеется, идея провести время в музее среди античных скульптур и ваз осталась в прошлом.

На следующей же станции я покидаю вагон. Любитель чтения тоже выходит, срывает неправильно надетый парик, комкает его, сует в карман пиджака и спешит к турникетам. Никому не нравится находиться среди криво ухмыляющихся незнакомых людей.

Я остаюсь с молодым человеком, выскочившим на перрон вместе со мной.

– Мне кажется, вы собирались ехать дальше. – Я злюсь и криво усмехаюсь от боли, словно бы молодой человек виноват в том, что произошло.

– На станции можно обратиться к полицейскому, – напоминает парень.

– И что это изменит? – Я продолжаю злиться.

Мне кажется, что навязчивый помощник последней фразой намекает мне, будто я приехала в столицу из провинции и не знаю, что на каждой станции метрополитена дежурит полицейский.

– Владельца обезьяны отыщут и накажут.

– Но ведь это не он укусил меня, а чертова макака! Его-то за что наказывать? Боже, болит-то как!

– Он обязан держать животное на поводке, перевозить в наморднике. Хотя я не уверен, что в шведском законодательстве специально прописан порядок перевозки обезьян. Наверное, на них распространяются правила, придуманные для транспортировки котов и собак.

– Вы хоть представляете себе, как должен выглядеть намордник для макаки? Я лично – нет.

– Что вы собираетесь делать?

– Уж, во всяком случае, не плакать и не искать помощи у полиции.

– Вам следует показаться врачу. Обезьяна наверняка не привита от болезней, и у нее нет паспорта.

– Вот уж утешили! Только этого мне не хватало.

– Я вас проведу до ближайшей клиники, – предлагает молодой человек. – У вас есть медицинская страховка?

– Разумеется. Только я не знаю, страховой ли это случай. Не припомню, чтобы речь там шла об обезьянах в подземке.

Мы выбираемся на поверхность. Грудь еще саднит. Страшно обидно, что такое случилось именно со мной. Ну, чем я хуже других? Почему проклятая макака выбрала именно меня? Из-за банана? Так я была бы не против угостить ее просто так. Стоило ей только попросить! Для этого не надо уметь разговаривать. Ага, есть такие твари, которые просить не умеют, они грубо берут то, что им понравилось.

У клиники я настойчиво прощаюсь со своим провожатым. Мне не хочется видеть его рядом с собой, он напоминает мне о моем невольном позоре. Парень, к счастью, вменяемый,

понимает мое состояние, уходит, пожелав успехов. Вот только в чем? Ведь он даже не знает, чем именно я занимаюсь. Что ж, и ему успехов за отзывчивость и терпение к моей беспричинной злости в его адрес.

Врачом-травматологом оказывается немолодой мужчина, практически старик в старомодных очках с толстыми дужками. Я не люблю посещать молодых врачей. Хочешь ты того или нет, а они видят в тебе не только пациентку, но и представительницу противоположного пола. Помимо воли ощущаешь, как заводит их твое тело, как они с серьезным видом норовят прикоснуться к нему лишний раз. А вот старичку уже все равно. Через его руки прошли сотни или тысячи женщин – молодых, старых, уродливых и красоток. Моя грудь его ничуть не впечатляет, важен лишь укус.

– Интересный случай, – говорит он, рассматривая следы зубов через увеличительное стекло. – Обезьяна говорите?

– Она самая, – подтверждаю я. – Макака.

– Да, на кога не похоже, – соглашается травматолог, обрабатывая рану антисептиком. – Интересный случай.

Чего тут интересного? След от укуса уже успел слегка посинеть и набухнуть, отпечатки зубов стали четче.

– Вам нужно сделать инъекцию от столбняка, – предупреждает медик.

Последний раз мне делали прививку от столбняка в детстве, когда я еще училась в школе. Родители купили мне первый в моей жизни двухколесный велосипед, и я училась на нем кататься. У меня никак не получалось делать два дела одновременно – крутить педали и удерживать равновесие.

Отец, который был главным моим учителем, решил проблему следующим образом. Он поставил велосипед на спуске и подтолкнул меня в спину. Педали крутить не пришлось, и я к своему удивлению поняла, что еду. Велосипед разогнался так, что отец уже не попевал за мной.

Тормозить я еще не умела и, разумеется, не вписалась в поворот. Оно и к лучшему. Вылети я на дорогу, последствия могли бы стать куда более масштабными. А так я отделалась сбитыми в крови локтями и коленками. И, как следствие – инъекция против столбняка.

– Это не очень больно? – спросила я, вспоминая свои детские впечатления.

– Не больнее укуса обезьяны, – обещает травматолог.

Я всегда неуютно себя чувствую, когда кто-то стоит у меня за оголенной спиной, вдобавок держит в руках нечто острое. Наверное, это психологический рудимент с древнейших времен, когда люди в наших широтах ходили, слегка прикрытые шкурами, и не до конца доверяли друг другу.

Иголка входит под лопатку без предупреждения. Я чувствую, как вместе с препаратом по телу растекается боль, и постанываю. Но должна признать, что медик сделал все предельно профессионально. Внезапная боль всегда слабее той, к которой готовишься заранее.

– Вот и все. – Я чувствую, как игла выходит из-под кожи. – Можете одеваться.

– Я слышала, что СПИД разносят и обезьяны, – осторожно замечаю я.

– От кого? – Медик вскидывает брови.

Я лихорадочно пытаюсь припомнить, откуда ко мне пришла такая информация.

– Вроде из Интернета, – мямлю я. – Я, вообще-то, журналистка. Ко мне стекается много разной информации, всего не упомнишь.

– Глупости. Речь идет только о человекообразных обезьянах.

– Макака разве не человекообразная? – удивляюсь я, вспомнив коварный блеск глаз этой твари в то время, когда она проделывала свои гнусности.

Скотина смотрела и действовала чисто по-человечески.

– Нет, макака не человекообразная, поверьте на слово. СПИДом можно заразиться только от орангутанга, гориллы и шимпанзе, да и то лишь вступив с ними в половой контакт. Но, если хотите, можете сдать тест.

– Спасибо, пока не хочу.

Все-таки укусы груди, наверное, нельзя назвать половым контактом. Конечно, во время акта партнер может и покусывать грудь, но не так же зверски!..

Неожиданный визит в клинику ломает мои планы. В музей мне уже расхотелось окончательно. Я несколько часов бесцельно брожу по центру города, захожу в открытое кафе выпить кофе, минеральной воды.

Зонтики и столики вынесены к самому краю тротуара. Я сажусь, смотрю на машины, проезжающие мимо. Стокгольм – чужой для меня город. Он живет своей жизнью, я своей. Мне здесь одиноко.

А вот наш незамысловатый городок Хёгкуль понятен для меня как таблица умножения. В нем есть всего две достопримечательности. Это старый маяк Кюллан да почти заброшенный мрачный замок, стоящий на горе. Он пустует вот уже двадцать лет. Как и положено, по слухам, в стенах, которым больше пяти веков, обитают привидения. Якобы построил его один из приближенных короля Юхана Второго, выйдя в отставку и покинув двор. Он прожил в нем недолго, всего три года, успев при этом сменить семь жен. Все они умирали вскоре после свадьбы. Вельможу заподозрили в том, что он убивает своих жен, и в один прекрасный день он бесследно исчез. Никто его больше не видел. А вот призраки замученных молодых женщин до сих пор обитают в средневековых залах.

Последний владелец замка незадолго до смерти не придумал ничего лучшего, как завещать его городу. С тех пор там никто и не живет. Покупателя найти невозможно, места у нас не туристические. Швеция не Англия, наличие привидений наших людей только отпугивает. Да и замок является историческим памятником. Его просто так не отремонтируешь. По закону новый владелец обязан провести реставрацию, то есть вложить в него целое состояние. Вот уже второй десяток лет муниципалитет безрезультатно выставляет замок на торги, а желающих приобрести его так и не находится.

Правда, есть у нас в Хёгкуле и третья достопримечательность. Но я обычно называю ее экспонатом. Это старая дева, наш мэр – Фрида Холемберг. Такую еще поискать надо. Глядя на нее, не сразу и поймешь, мужчина это или женщина. Широкие, чисто мужские плечи, а ниже повсюду один обхват, что в бедрах, что в талии, в смысле, в том месте, где таковая должна бы находиться. Лицо такое, будто его высекал топором не слишком умелый плотник.

Конечно, человек не виноват, что уродился таким. Но с содержимым головы можно что-то сделать! По-моему, она просто ненавидит всех – и мужчин, и женщин, и детей. Первых, потому, что те не воспринимают ее особью противоположного пола. Вторых потому, что любая уродина в десять раз привлекательнее фрекен Холемберг. Детей же она терпеть не может, поскольку своих не родила. Такой даме только в политику и подаваться, что она успешно и сделала. Эта особа занимает свой пост второй срок подряд. Если честно, то злосчастная макака лично для меня в сто раз милее ее. Я за фрекен Холемберг ни разу не голосовала. Если бы меня спросили, как выглядит черт, то я посоветовала бы посмотреть на Фриду.

Все-таки зря я помянула черта. Из-за поворота выплывает длиннющий лимузин, черный, сверкающий лаком как дорогой гроб. Он подруливает к самому бордюру и останавливается прямо напротив меня – протяни руку и дотронешься. Глоток кофе застревает у меня в горле. Я чувствую на себе пристальный взгляд и с четверть минуты кашляю. Наконец-то зеркальное стекло задней дверцы медленно ползет вниз.

За ним я вижу испуганное лицо и не сразу могу сообразить, что это же Шарлотта Берглунд – тренер фитнес-центра, работающего в нашем городке. Все дамы, которые следят за своим телом, посещают его, и я в их числе. Прошло уже четыре дня, как Шарлотта исчезла из

Хёгкуле. Вернее, не совсем исчезла. С вечера она позвонила своему работодателю, наговорила что-то невнятное, отпросилась на день, а потом ее больше никто не видел.

По просьбе этого работодателя я даже передала в вечернем эфире обращение к жителям – отозваться тех, кто видел ее последними. Поступили два звонка. Эти люди накануне заметили, как Фрекен Берглунд подобрал на улице черный лимузин.

Я ощущаю присутствие еще кого-то в глубине темного салона. Шарлотта открывает рот, будто хочет мне что-то сказать или предупредить о чем-то, но в этот момент зеркальное стекло медленно ползет вверх. Теперь я вижу вместо Шарлотты лишь собственное отражение. Рот у меня тоже открыт! Лимузин бесшумно трогается с места, сворачивает, исчезает в поперечной улице.

Я слглатываю кофе, застрявший в горле. Следом за лимузином проезжает мотоциклист в кожаной куртке, усыпанной острыми стальными шипами-заклепками и в серебристом шлеме с опущенным тонированным забралом. Его силуэт мне тоже кажется знакомым, но я никак не могу припомнить, где именно видела этого человека.

Что делать? Бежать за лимузином? В полицию? Ну и что я сообщу? Даже наши полицейские в Хёгкуле сказали, что повода для беспокойства нет. Фрекен Берглунд более чем совершеннолетняя женщина, может распоряжаться собой и своим временем так, как хочет.

Я вытаскиваю из сумочки записную книжку, лихорадочно листаю страницы. Не могу вспомнить, на какую букву записала себе Шарлотту. Нахожу номер на страничке с буквой «Ф» – фитнес-центр, набираю его. Идут длинные гудки, хотя до этого телефон Шарлотты был отключен.

Но нет, она отвечает:

– Слушаю, Элино́р.

– С тобой все в порядке? Тебя же все ищут. Ты почему на звонки не отвечала?

– Со мной все хорошо, – шепчет она.

– Ты сейчас с кем? Что это за машина?

– Извини, не могу сейчас говорить.

Связь обрывается. Проявлять излишнюю настойчивость, когда с тобой не хотят говорить, не в моих привычках. Да и не так уж я близка с Шарлоттой, просто посещаю фитнес-центр.

Я звоню Марте. Та отвечает сразу же, будто уже держала телефон у самого уха.

– Марта, я только что видела пропавшую Шарлотту. Она катается по Стокгольму на заднем сиденье лимузина.

– Что она делает? – переспрашивает Марта Лофгрэн. – Вот черт. Это же не новость. Я-то надеялась, что ее как минимум похитил маньяк. А с твоей информацией в эфир не выйдешь.

– Она как-то странно говорила со мной по телефону.

– Строить догадки не стоит. Нас потом могут обвинить во вмешательстве в личную жизнь. Будешь в поезде, перезвони, я сейчас на интервью.

Как у Марты все просто. Если бы я сообщила ей, что нашла Шарлотту Берглунд повешенной в придорожном лесу или расчлененной в контейнере с мусором, она искренне обрадовалась бы за нашу радиостанцию – будет о чем поговорить в вечернем эфире.

– Вот у меня есть настоящая новость, – радостно сообщает Марта. – Наш замок с привидениями, который двадцать лет никому не был нужен, наконец-то нашел покупателя.

– Кто он? – вырывается у меня, и я даже забываю о Шарлотте.

– Никто пока не знает. На аукционе присутствовал и внес залог представитель покупателя. Сам он пока решил не афишировать свое имя.

– Но ты же что-то сумеешь накопать?

– Надеюсь.

Глава 3

*Как хорошо ехать одной в купе
Проводник – нейтральный человек
С фантазиями ничего не поделаешь – они сильнее нас
Если мужчина разрывает презерватив зубами – это настоящая
страсть*

Наконец я оказалась на вокзале. Длинный желтый состав уже подали. Он словно специально дожидается именно меня.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер.

Мы с проводником обмениваемся любезностями. Широкий ворот майки мне пришлось перебросить на левое плечо, чтобы скрыть укус макаки. Вот я уже и в купе. Место у меня ниже. Две верхние полки еще не разложены, что наводит на приятную мысль – ехать мне придется в одиночестве, а значит, есть шанс уснуть пораньше.

Я сажусь у окна, гляжу на перрон. Люди провожают знакомых, родных. Вот целующаяся парочка влюбленных. А я здесь одна. Меня некому проводить. Хорошо, что в Кальмаре меня встретит Марта, и мне не придется ждать автобуса на Хёгкуль.

Я внезапно встречаюсь взглядом с холемым мужчиной лет сорока. Он стоит на перроне, держит в пальцах незажженную сигарету, затем поднимает руку и медленно проводит ладонью по небритой щеке. Щетина густая, ровная как газон перед королевским дворцом, модная. Чувствуется, что умелый парикмахер старательно поработал над ней. Почему-то мне кажется, что жест адресован мне. Я чувствую себя неловко, достаю мобильник, набираю номер.

– Марта, все в порядке, я уже в поезде, не опоздала, – сообщаю я. – Все остается в силе?

– Да. Встречу тебя на машине. Насчет покупателя замка никакой информации. Подозреваю, что в курсе пока только одна Фрида Холемберг, а с ней разговаривать себе дороже. Голос у тебя какой-то странный. – Подруга наконец-то замечает, что я сейчас не в лучшей форме. – Кроме таинственной встречи с Шарлоттой ничего больше не случилось?

– Не выпалась, – говорю я.

– И все?

– И еще кое-что. Приеду – расскажу.

– Темнишь, интригуешь, – смеется Марта. – Неужели наконец-то свершилось, и ты встретила принца своей мечты?

– Ничего такого, о чем ты думаешь. – Я позволяю себе улыбнуться.

Перрон уже скользит за окном. Никто на два других места в моем купе так и не претендует. Повезло!

Светонепроницаемая штора опущена почти до самого конца. Остается лишь узкая щель внизу. Сквозь нее пробивается слабый свет фонарей. Поезд разгоняется на окраине Стокгольма. Я лежу на мягком диване.

Приятно ехать одной. Я могу позволить себе отправиться ко сну почти так, как делаю это дома. Лишь майка и трусики. Почему «почти»? Дома я по большей части ложусь спать нагишом, пижаму надеваю редко, когда уж совсем прохладно.

Не могу понять, жарко мне или нет. Никогда не умела толком регулировать кондиционер в купе. Это всегда делал кто-то другой. Может быть, я слишком нетерпелива? Температурные изменения наступают не сразу, а позже. Я решаю больше не экспериментировать. В конце концов, всегда можно раскрыться, если станет душно. Я закрываю глаза. Слегка саднит укушенная грудь.

«Интересно, а макака была он или она? Для тебя, Элинор, это имеет значение? Все равно уже не узнаешь», – с этими мыслями я и засыпаю.

Обычно я сплю без сновидений, просто проваливаюсь в небытие, а утром открываю глаза. Но так случается только в моей размеренной провинциальной жизни. Сегодня же впечатлений мне хватило с лихвой. А в таких случаях сны бывают разные. Иногда это цветные видения, сопровождаемые звуками. Совсем уж нечасто я чувствую прикосновения, дуновения ветра, прохладу воды.

Я даже не понимаю, проснулась или же нет. Ведь несколько раз до этого я то погружалась в тревожный сон, то вновь видела ночное окно моего купе и фонари маленьких станций, проносившиеся за ним. Все мешалось как в калейдоскопе.

Я чувствую, как пальцы касаются моей груди, нежно теребят набухший сосок, другая рука гладит живот, подныривая под не слишком тугую резинку трусиков. Это однозначно приятно.

Сперва мне кажется, что я сама ласкаю себя. Такое со мной во сне иногда случается. Я хочу остановиться, и у меня ничего не получается. Руки не принадлежат мне, они чужие, мои же нервно сжимают, комкают простыню подо мной. Тут я осознаю, что уже вся мокрая внизу, между слегка разведенных ног.

Я понимаю, что должна испугаться, но не боюсь. Ведь это сон. К тому же я ощущаю, что основательно завелась, чтобы думать трезво и проснуться окончательно. Руки неторопливо ведут меня к наслаждению. В их движениях я не ощущаю угрозы насилия, желания причинить боль. Мне кажется, что я приоткрываю глаза, но сон, полный запретных ощущений, продолжается.

В темноте рассмотреть удастся немного. На краю дивана сидит кто-то. Несомненно мужчина, да я и по его прикосновениям это понимаю. В темноте я могу различить только блеск его глаз да короткую бороду, на которую падает полоска изменчивого, призрачного света из-под неплотно опущенной шторки.

Поезд несется, раскачиваясь. Рука скользит ниже. Я с замиранием чувствую, как его пальцы нежно, легко проскальзывают во влажное расширившееся влагалище. Боже, что мне делать? Если это сон, то я должна проснуться. Если явь – надо вскочить, схватить насильника за запястья, остановить его, закричать, позвать на помощь. В моей голове мечутся подобные мысли, которые подсказывает мне здравый рассудок и воспитание.

Но чувствую-то я совсем другое. Мне не хочется ни просыпаться, ни останавливаться. Я ощущаю, как в самом низу живота постепенно нарастает волна. Он не спешит, чувствует меня, ведет, умело приостанавливается, а я уже поторапливаю, постанываю, не могу сдержаться, ерзаю.

«Он мне снится. Я играю сама с собой, – пытаюсь я найти оправдание своему безумию. – Сейчас кончу и проснусь. Не нужно искать объяснения и оправдания».

А мой ночной гость тем временем ищет совсем другое. Его рука выскальзывает из моих насквозь мокрых трусиков и принимается ласкать меня через кружева. Я ощущаю, как ногти проходятся по материи, и эти вибрации отдаются во мне дрожью. Я то слегка свожу, то раздвигаю ноги, начинаю двигаться в такт, который задают его движения. Рука замирает.

«Не останавливайся!», – хочется крикнуть мне.

В этот момент он вновь резко проникает в меня пальцами, второй рукой нежно касается клитора, ласкает его. Губы сжимают и отпускают отвердевший сосок. Ночной гость отлично знает женское тело. А ведь каждая женщина – это своеобразный «музыкальный инструмент» с множеством нюансов и техник. То, что можно сыграть на скрипке, не всегда исполнишь на фортепиано. Но этот плод моей фантазии – настоящий виртуоз. Чувствуется, что он способен играть на всем, что «издает звук».

Как это можно понять за несколько минут? Оказывается, вполне. Я же понимаю. Его пальцы на мне будто на грифе скрипки. Они движутся и одновременно подрагивают.

Эта дрожь передается мне, я не выдерживаю и взрываюсь, хотя и боюсь этого. На несколько секунд все мои ощущения концентрируются в одном месте, а затем сладостное напряжение волнами расходится, растворяется в моем теле. Я издаю стон, не заботясь, слышит меня кто-нибудь или нет. Ведь это сон.

Подобное со мной случалось и раньше. Достигнув оргазма, я неизменно просыпалась. Но на этот раз фантазии настолько сильные, реальные, что у меня не остается сил даже прийти к себе. Хотя при этом я ничего не делала сама, все сотворил он. Я замираю, прислушиваясь к своим ощущениям. Что же будет теперь? Я готова к продолжению, вот только дыхание перевести.

Незнакомец, не произнося ни слова, поднимается, вытаскивает из кармана что-то шелестящее, поблескивающее. В неверном свете я вижу, как он зубами нетерпеливо разрывает обертку презерватива.

«Боже, наверно, это и есть настоящая страсть, когда мужчина делает именно так! Он спешит, полон желания».

Я даже задерживаю дыхание в ожидании продолжения, готова ко всему, к любой игре. Я плотно закрываю глаза и слышу, как мужчина кладет разорванную обертку на столик, выходит и закрывает за собой дверь моего купе. Я лежу и жду, а потом понимаю, что проснулась. Ведь он не возвращается, а во сне я хотела продолжения. Тогда почему он не остался? Ведь он – это я.

Желание, возбужденное во мне, медленно растворяется в стыде, который поднимается со дна души. Я ощущаю, что покраснела от мочек ушей до кончиков пальцев на ногах. Я последняя дура, умудрившаяся оттрахать сама себя. Хотя нет! Какое там оттрахать? Согласно дефиниции, «половым актом является введение мужского члена в одно из естественных отверстий человеческого тела».

В какой книжке, на каком сайте я вычитала эти дурацкие слова? Почему «человеческого тела», а не женского? Ах, да, есть же еще и принцы, и ничто человеческое им не чуждо. Или мне все это не привиделось?

Я вскакиваю! Дверь, как и подсказывал здравый смысл, закрыта на защелку изнутри. Но от этого на душе легче не становится. Я колеблюсь, открываю купе и выглядываю в освещенный узкий раскачивающийся коридор, чтобы убедиться окончательно, не спятила ли. Если мой ночной гость стоит у окна, вертит в пальцах незажженную сигарету и ждет, чтобы я позвала его вернуться, то свихнулась. Если его там нет, значит, я, вопреки тому, что обо мне думают люди, просто развратная девчонка, которая боится заняться в жизни тем, что вытворяет в мечтах. Я позвала бы, просто окликнула бы: «Эй!». Ведь даже не слышала его имени, толком не видела лица. Но коридор пуст. Я выдыхаю.

В конце коридора появляется проводник, смотрит на меня, склонив голову, и говорит:
– Мы прибываем в Кальмар через полтора часа. Можете еще поспать. Я разбужу вас.

Я встречаюсь с проводником взглядом. Мне начинает казаться, что он знает в подробностях обо всем, что сейчас произошло в моем сне. Я снова ощущаю, как краска заливает мое лицо.

– Спасибо, я завела мобильник, – бормочу я, лишь чтобы скрыть свою растерянность, задвигаю створку двери и несколько секунд колеблюсь, стоит ли закрывать ее на защелку.

«Мне привиделось. Просто, Элинор, у тебя в жизни не было хорошего секса. Это даже подземные макаки чувствуют и набрасываются на тебя без предупреждения».

Я оборачиваюсь и смотрю на столик. Разумеется, на нем нет никакой упаковки с презервативом, разорванной зубами. Привиделось! Тогда какого черта этот презерватив вообще появился в моем сне? Выходит, моя потаенная мечта – не просто потрахаться, а сделать это именно с использованием презерватива?

Нет, это общение с классическим консерватором так сказалось на моем хрупком мозге! Их партия прилагает немало усилий для пропаганды безопасного секса. Да и профессия тут же дает о себе знать. В голове сам собой кристаллизуется радийный слоган социальной рекламы безопасного секса: «Даже в эротических фантазиях пользуйтесь презервативом. Это должно стать привычкой».

Я смотрю в зеркало на свое отражение и ужасаюсь. Никогда раньше у меня не было такого идиотского взгляда. Я тут же гашу свет, забиваюсь в угол дивана и накрываюсь простыней с головой. Боже, как мне стыдно! А, собственно говоря, за что?

В Кальмар поезд прибывает рано утром. Звезды уже погасли, но небо еще совсем серое. Проводник сдерживает свое слово, стучится в дверь и напоминает, что мне через десять минут нужно выходить. Я нервно отвечаю, мол, уже проснулась и собираю вещи. Не слишком мне хочется вновь встречаться с ним взглядом. Подглядеть мой эротический сон, он, конечно же, не мог, но вот услышать чувственные стоны – вполне.

За окнами проплывают городские пейзажи: жилые кварталы, заводские корпуса, склады. Поезд раскачивается на стрелках, ход его замедляется. Состав буквально вползает под стеклянную крышу. Раздается еще один лязг, и вагон замирает.

Напоследок я ощупываю синяк на месте укуса. Грудь все еще болит, а к синему цвету кожи уже добавился и черноватый, подозрительно похожий на трупное пятно, какими их показывают в фильмах. Я протискиваюсь с багажом по узкому коридору. Проводник помогает мне спустить сумку. Выражение лица отстраненное, будто бы для него не существует разницы между пассажиркой и ее кладью. Интересно, о чем он сейчас думает?

Марта спешит мне навстречу. И как она умудряется сохранять бодрость в такую рань? Если мне не удастся поспать до десяти, то весь день хожу сонной мухой.

– Привет, Эли! – кричит Марта Лофгрэн на весь перрон, тут же обнимает меня, целует в щеку.

У нее странная и милая привычка, обнимать и целовать всех подряд, любого человека, мало-мальски знакомого ей, близкого по возрасту. И неважно, мужчина это или женщина. У Марты это получается очень мило и естественно. Я же так не умею. Для меня вообще прикоснуться к кому-нибудь – целая проблема.

Марта висит у меня на шее и визжит от восторга так, словно мы не виделись целую вечность.

При этом она успевает говорить:

– Не забудь, Эли, у тебя сегодня вечерний эфир.

– Конечно, помню, – отвечаю я, пытаюсь отстраниться, но подруга будто бы и не замечает этого. – Постараюсь не проспать.

– Не выпалась? Некогда было? – В голосе Марты опять проскальзывают нотки подозрения.

Практически все, что она говорит, неизменно скатывается к теме секса. Так уж устроен ее мозг, такой у нее юмор.

– Дорога утомляет, – неопределенно отвечаю я.

В этот момент через плечо Марты я вижу мужчину, выходящего из соседнего вагона, того самого, холеного, по-модному небритого. Я тут же понимаю, что это он приходил ко мне ночью в купе. Вернее, это я вообразила его рядом с собой со всеми вытекающими последствиями. Но почему его, а не кого-нибудь другого?

Мы встречаемся с ним взглядами, и мне вновь становится страшно стыдно за себя. Чудится легкая улыбка на его лице, словно он заглянул в мои мысли и воспоминания. Причем не сейчас, а еще раньше, до того как я обратила на него внимание в Кальмаре. Но я видела его только мельком через стекло в Стокгольме!

Неужели этого достаточно? Какие такие тумблеры шелкнули у меня в голове? Кто их включил?

– Да ты меня совсем не слушаешь! – удивляется Марта и оборачивается, чтобы понять, что же заставило меня напрячься.

К моему счастью, таинственный мужчина уже заходит в здание вокзала. Подруга видит только его спину.

– С тобой все в порядке? – интересуется Марта, вглядываясь мне в лицо.

На моем лбу выступил пот, щеки и нос горят огнем, я часто дышу.

– Вполне.

– Ты уверена?

В чем я должна быть уверена? В том, что приснившийся мне мужчина, оказывается, существует не только в моих фантазиях, но и в телесном образе?

– Да, уверена, – отвечаю я.

– Странно ты выглядишь. – Марта отступает на шаг, обходит меня по кругу, разглядывает. – Не видела бы я, как ты выходишь из вагона, подумала бы... – Она делает паузу, и я понимаю, что сейчас подруга произнесет что-то типа «ты только что с кем-то переспала».

Я успеваю опередить ее.

– Не говори глупостей, ты же меня знаешь. Просто голова с дороги закружилась.

Если Лофгрэн меня встречает, то на обратной дороге машину веду я. Традиция у нас такая. При совместных поездках половину дороги за рулем сижу я, другую – она.

Но на этот раз Марта предупреждает:

– Тебе плохо. За руль не пушу.

Я и не спорю. Мне в самом деле нехорошо. Словно меня разобрали по косточкам, а потом сложили вновь. Мы проходим через здание вокзала. На стоянке издали видна ядовито-красная машина Марты. Подруга любит все яркое и в одежде, и в украшениях, добивается, чтобы люди обращали на нее внимание.

Обычно так и случается. Но в этот раз прохожие глазают не на нее, одетую в черно-желтый полосатый свитер и серебряную полупрозрачную юбку. Люди смотрят, как в черный, сверкающий дорогим лаком лимузин усаживается холеный мужчина лет сорока. Водитель в униформе с еле заметным поклоном мягко закрывает за ним дверцу и важно занимает место за рулем. Машина отъехала абсолютно беззвучно, будто призрак.

– Я видела Шарлотту в Стокгольме точно в таком же лимузине, – машинально говорю я.

– В таком же или в этом же? – тут же уточняет Марта.

– На номер я не посмотрела, – теряюсь я.

– А еще называешь себя журналисткой, – возмущается Лофгрэн. – Выходит, он ехал поездом, а лимузин следовал по дороге?

– Возможно и такое, – соглашаюсь я.

– А Шарлотта Берглунд тогда где? В машине ехала? У тебя есть с собой номер ее телефона? – Марта выстреливает вопросы один за другим.

– В такую рань неудобно звонить, – напоминаю я.

– Я не спрашиваю, удобно или неудобно. Я спрашиваю, есть ли у тебя с собой номер ее телефона.

Позвонить малоизвестному человеку в любое время суток для Марты никогда не являлось проблемой. Мне же каждый звонок, даже в урочное время, дается с трудом. Несколько минут размышляю – удобно это или неудобно, прокручиваю в уме возможные реплики. Потом беседа все равно начинает идти абсолютно по другой колее, чем я предполагала.

Лофгрэн безошибочно находит номер Шарлотты, занесенный в мою записную книжку на букву «Ф», и тут же нащелкивает клавиши.

– Черт. Отключена, – резюмирует она. – Пошли к машине, быстро. Ну, чего ты сегодня такая заторможенная?

Не успеваю я опомниться, как уже сижу в старенькой «Хонде», катящейся по улице. Далеко впереди маячит лимузин. Если бы не его размеры, он уже давно затерялся бы среди других машин.

– Зачем тебе Шарлотта? – наконец-то вспоминаю я. – Сама же говорила, что она не новость.

– Да, тренер фитнес-центра – не новость, но вот такой лимузин в наших краях – это и в самом деле любопытно.

– С чего ты взяла, что он едет к нам? К тому же лимузин всегда можно арендовать.

– Это частная машина, – убежденно произносит Марта.

– Почему?

– А ты водителя видела? У него же на лбу написано, что он служит хозяину, а не клиенту.

Ничего на лбу у водителя написано не было, но я предпочитаю промолчать, потому как наперед знаю, что Марта окажется права. У нее настоящий журналистский нюх на то, что вскоре должно сделаться сенсацией. Конечно, только в рамках нашего городка.

– Он едет к нам в Хёгкуль, – продолжает Марта, беспардонно проскакивая на желтый сигнал светофора.

И как ей только такое с рук сходит? Меня бы уже давно остановил полицейский. Правда, от ее лихости ничего не изменяется. На следующем светофоре нам приходится стоять в ожидании, причем в прежней компании. Справа мотоциклист в серебристом шлеме и кожанке с острыми заклепками-шипами, слева микроавтобус, развозящий пиццу. На следующем перекрестке поблескивает лаком лимузин. Его салон такой большой, что в нем может происходить все, что угодно.

Теперь уже я проявляю наблюдательность.

– Марта! – почему-то начинаю шептать я, хотя никто не мешает мне говорить нормальным голосом. – Этого мотоциклиста я тоже видела в Стокгольме. Он ехал прямо за лимузином.

– Номер запомнила? – Марта скептически морщит нос.

Когда рядом нет мужчин, она иногда позволяет себе выглядеть безобразно.

– У меня на цифры плохая память, но это тот самый мотоциклист, – шепчу я.

На развилке лимузин и в самом деле уходит влево. Теперь уже не остается сомнений в том, что он направляется в наш городок. Мотоциклист безнадежно отстал. Мы держимся в кильватере, но рассмотреть тех, кто сидит в салоне, через тонированные зеркальные стекла невозможно.

– Держись! – Марта сигналист и прибавляет газ.

Лимузин, исполненный важности, движется неторопливо. Он слегка принимает вправо, пропуская вперед наглуую маленькую машинку пожарного цвета.

– Что ты задумала? – Мне становится не по себе, ведь Марта любит всяческие авантюры, не всегда безопасные по своим последствиям.

– Сейчас увидишь.

Моя подруга сворачивает шею, глядит назад.

– На дорогу смотри, разобьемся, – советую я.

Ни мне, ни Марте не удастся рассмотреть ничего особенного. За лобовым стеклом бесстрастное, волевое лицо водителя, облаченного в униформу. Перегородка между ним и салоном поднята.

Лофгрэн победно смотрит на меня. Я же не понимаю, в чем дело.

– Мы сейчас вырвемся вперед, а потом его остановим, – говорит Марта и улыбается.

– Как ты собираешься его останавливать?

– Предлог я придумаю.

Но происходит все не так, как она рассчитала. За поворотом в отдалении я отчетливо вижу полицейского с жезлом, стоящего возле обочины. За ним маячит машина с мигалками. Это шоссе я прекрасно помню. Именно здесь стоит знак, ограничивающий скорость. Мы превышаем положенную аж на треть.

– Притормози, – шиплю я.

– Да это же картонный полицейский! – Марта не обращает внимания на мои предупреждения. – Я на вокзал ехала, он здесь стоял. Я ему еще «фак» показала. – Подруга явно намеревается, подъехав поближе, повторить свой недавний подвиг, но...

«Картонный» полицейский оживает и указывает жезлом на обочину. Марте приходится тормозить. Пока он неторопливо приближается к нашей «Хонде», подруга успевает поправить прическу, глядя в зеркальце, примеряет на лицо одну из своих дежурных улыбок.

При этом она шепчет:

– Ты, Эли, только не встречай. Ладно?

А у меня и нет малейшего желания встречать. В конце концов, не я была за рулем. К тому же Марта сама вызвалась вести машину. Вот теперь пусть и получает свой штраф.

Полицейский заглядывает в салон. Его взгляд проносится по мне, задерживается на бедрах, на застежке джинсов, но не слишком долго. Все-таки он в форме, при исполнении своих обязанностей, а потому его законная жертва – Марта. Он просит ее выйти из машины.

О чем они говорят, мне не слышно, улавливаю только интонации. Реплики Лофгрена отдаленно напоминают птичье щебетание, а вот то, что произносит полицейский, похоже на урчание голодного кота. Я понимаю, что флирт в открытую не ведется. Но даже в форме дорожный инспектор остается мужчиной, и чары Марты на него действуют.

Пока они любезничают, мимо нас медленно проплывает лимузин, который Марта собиралась остановить. Стекло в салоне слегка припущено. Машина, миновав нас, набирает скорость и исчезает за поворотом. А вот мотоциклист куда-то испарился.

Минут через пять Марта возвращается в машину. Улыбка, предназначавшаяся полицейскому, тут же слетает с ее лица. Лофгрэн бросает документы на приборную панель.

– Тупой урод! – шепчет она, заводя двигатель.

– Оштрафовал тебя? – участливо интересуюсь я.

– Если бы!.. – Марта чувственно кривит губы. – Я потратила на него кучу обаяния, которого было бы достаточно, чтобы свести с ума трех женатых мужчин. А он даже не улыбнулся мне.

– Он при исполнении, – пытаюсь утешить я подругу. – В другое время, в иной обстановке все пошло бы иначе.

Марта очень хорошая подруга, но у нее есть одна черта характера, которую я никак не могу понять и разделить. Ей нравится сводить мужчин с ума. При этом постель, как я понимаю, Марте не нужна. Она накручивает парней, женатых мужчин, но когда дело подходит к закономерному финалу, округляет глаза и принимается возмущаться. Мол, как о ней могли такое подумать?!

Но иногда Марта все же сходится с мужчинами поближе, а потом в деталях пересказывает мне все, что с ней случилось. Ладно, у всех нас есть свои странности. Я тоже не исключение.

– К тому же у него был очень чувственный голос, – продолжаю я.

– Тебе так показалось?

– Но он же не оштрафовал тебя.

Марта трогает машину с места так резко, что даже протекторы свистят по асфальту.

– Осторожнее, а то нас попросят вернуться, – предостерегаю я.

Наконец-то мы приезжаем в свой Хёгкуль. Марта расстроена. Ведь лимузин уже припаркован на стоянке возле магазина, а его пассажиры дружно улетучились. Продавщица видела

только водителя, он зашел купить пару батареек и бутылку минеральной воды. Шарлотты она тоже не замечала.

– Делать нечего, едем к тебе, – говорит Марта.

Мы с ней живем рядом, в одном квартале. Я устала с дороги. В моей голове до сих пор не все в порядке после эротических фантазий – то мне все кажется вымыслом, то правдой. Но я все равно приглашаю Марту зайти. Надо же ее хотя бы кофе угостить.

Сумка просто ставится в угол, нет сил ее распаковывать, подождет до вечера. Я включаю кофеварку. Внутри булькает, переливается. Я же тем временем преспокойно начинаю переодеваться, выскальзываю из джинсов, сбрасываю майку. В этот момент внутри кофеварки заканчивается процесс. Она с резким шипением выбрасывает в стеклянную колбу порцию кипятка. Я машинально оборачиваюсь.

Марта поднимает взгляд от глянцевого страниц торгового каталога.

– Эли! – Глаза подруги ползут под самый лоб.

– В чем дело? – спрашиваю я и тут же спохватываюсь, проследив траекторию ее взгляда.

Конечно же, Лофгрэн неприкрыто устала на синяк на моей груди. Следы мелких зубов проступают очень отчетливо. Нет чтобы сделать вид, будто ничего не заметила. Я бы на ее месте так и поступила. Я прикрываюсь ладонью и тут же краснею, будто совершила что-то стыдное.

– Эли, с тобой это случилось в Стокгольме?

– Что именно случилось? – переспрашиваю я, панически перебирая в голове слова.

При этом я понимаю, что многие из них для нормального человека просто логически не стыкуются между собой, например: «подземка», «макака», «грудь», «албанец».

– Ну, это!.. – Марта даже подается вперед от любопытства. – Я-то думала, что ты сама скромность. А ты такая же стерва, как и я.

Слово «стерва» Марта произносит абсолютно без осуждения. Для нее это лучшая похвала, какую только можно высказать в отношении женщины. Себя она считает не простой, а самой что ни на есть прожженной стервой.

– Ничего эдакого в Стокгольме со мной не случилось, – отвечаю я с легким раздражением.

Мне приходится отнять ладонь от груди, чтобы разлить кофе по чашкам. Вновь прикрываться – это глупо. Подруга меня застучала. Я, как была, сажусь в кресло напротив Марты и смотрю ей в глаза. Взгляд мой прыгает. Ее тоже.

– Значит, не в Стокгольме, – тихо произносит Марта. – Выходит, в поезде?

Лофгрэн попадает в точку. Это случилось со мной именно в поезде, когда состав летел в ночной тьме на юг. Правда, случилось совсем не так, как она предполагает. Не было со мной никого.

Я понимаю, что начать сейчас оправдываться – только себе навредить. Уж лучше признаться в том, что якобы переспала с попутчиком, чем рассказывать о мастурбации, божественной и мерзкой. Ни одному моему слову подруга сейчас не поверит, лишь укрепит в своих подозрениях. Поэтому я решаю напустить тумана, не соврать, но и не сказать правды.

– Как-нибудь потом я тебе все расскажу, а сейчас смертельно устала и хочу отдохнуть.

Я понимаю, что не слишком вежливо выпроваживать подругу из дома, когда она еще не успела и кофе допить. Но мне и в самом деле не терпится остаться одной, чтобы разобраться с собой, понять, что творится в моей голове. К тому же я не до конца уверена в том, что именно в голове, а не в другой части тела.

Для этого не надо думать. Достаточно просто лечь и заснуть. Организм мудрее книжных знаний и воспитания. Он сам разберется, что ему нужно, восстановит баланс после выброса эмоций.

«А если вновь придет ночной гость? – тут же подсказывает мой мозг, и я приказываю ему заткнуться. – Я решила, что он больше не появится. А придет, так прогоню, не позволю ему лапать себя».

«Ага! – возражает мой внутренний голос. – Станет он тебя слушаться и спрашивать разрешения. Да и ты сама не против таких визитов. Я же знаю, ты хочешь вновь повстречать его. Только он знает, что именно тебе нужно».

– Заткнись! – по неосторожности, в запале, я произношу это уже вслух.

Марта тупо смотрит на меня.

– Ты и в самом деле сильно устала, – растерянно произносит она. – Не удивительно после такого бурного времяпрепровождения. Или все случилось помимо твоей воли?

– Я не буду сейчас говорить об этом. А «заткнись» я не тебе сказала. Извини, вырвалось.

По комнате распространяется горьковатый запах кофе. Мы с Мартой находимся в разных измерениях, а потому не можем понять друг друга. Лофгрэн проходится по стенам взглядом, будто высматривает хотя бы тень того, к кому я обращалась, не находит и вновь смотрит на меня.

– Я не сумасшедшая, – произношу я как можно спокойнее. – Ты по-прежнему моя лучшая подруга. Ты знаешь про меня больше, чем кто-либо другой. Даже отцу и матери известно куда меньше.

– Спасибо. – Марта протягивает мне через стол руку, наши ладони соприкасаются. – Но потом ты все же расскажешь мне, что случилось?

– Если я расскажу тебе про то, как макака укусила меня за грудь в метро, ты согласишься? – с надеждой спрашиваю я.

Марта отрицательно крутит головой и говорит:

– Я пошла. Спасибо за кофе. Не забудь положить рядом с собой мобильник. Я позвоню, когда появятся новости.

Мы обнимаемся на прощание. Марта скользит губами по моей щеке. Щелкает замок входной двери. Я ставлю недопитую чашку на журнальный столик.

Почему так происходит? Если бы я принялась рассказывать Марте о вымышленных любовных похождениях, она слушала бы меня и даже сопереживала бы. А попыталась я упомянуть правду, она мне не поверила. Ну а ты, внутренний голос, почему замолчал? Конечно, я же велела тебе заткнуться.

Если и существуют в жизни проблемы, то мы их выдумываем себе сами.

Я стою перед застеленной кроватью, смотрю на мобильник и думаю, что лучше – лечь, как обычно, нагишом, или же надеть пижаму. Даже не знаю почему, но выбираю последнее. Возможно, я ощущаю сейчас свое тело как нечто чужое мне. Оно вроде бы и послушно, но в то же время пытается диктовать свои условия. Стоит мне отвернуться, задуматься, оно начинает жить своей собственной жизнью, ни о чем меня не спрашивая.

Я засыпаю, не зная, что меня ждет.

Глава 4

По тому, как человек стучится в дверь, о нем можно многое сказать

Принц мечты не может существовать в реальности – это закон жизни

*Скутер – идеальный транспорт, особенно если едешь с парнем
Вытащить мобильник на ходу не так-то просто*

На этот раз сон не принес сюрпризов. Я просто провалилась в него как в вату, а потом открыла глаза. Я так устроена, что просыпаюсь без будильника. Вернее будет сказать, что будильник существует где-то во мне и срабатывает в нужное время. Уже четыре часа дня. Просыпаться – это всегда мука. Хочется валяться в постели как можно дольше.

Наконец-то я делаю над собой усилие и перехожу в вертикальное положение. Душ приводит меня в чувство. Потом я принимаюсь проверять себя на адекватность, восстанавливаю в памяти недавнее прошлое.

Вот я в кабинете Юхона Улссона. Он вполне реален. Точно так же, как и ночной гость в поезде. Вот и определись после этого, найди, где пролегает грань между вымыслом и правдой. Выходит, я могла бы переспать со случайным попутчиком? Ужас какой-то. Ведь во сне я не сделала и попытки к сопротивлению, даже для порядка не произнесла «нет», «не надо».

Все, все, все! Было и прошло. Мало ли какие видения и крамольные мысли посещали меня в жизни! Бывало и похуже. Если переживать за каждую из них в отдельности, не останется времени на другое.

Гудит фен. Мои волосы распушаются, принимают форму и объем. От этого на душе становится легче. Я заглядываю в глаза своему отражению. Спокойный серьезный взгляд. Уверенность в своих силах растет. Ну, в самом деле, кто сможет догадаться о том, что творится в моей голове? Разве что на самом дне зрачков скачут то ли искорки, то ли малюсенькие чертики. Но я никому не позволяю так близко подходить к себе, чтобы он мог заглянуть в меня, рассмотреть до самого дна.

Вновь булькает кофеварка. Без чашки кофе начинать новый день нельзя. Это не поздний завтрак, а священнодействие. Кофе прекрасен не столько своим вкусом, сколько запахом. Он невидимый, а наполняет мой дом.

Я одеваюсь перед своим любимым зеркалом, вставленном в дверь старого гардероба, и тут мне приходит в голову удивительная мысль. Все отражения, бывшие в нем, сваливаются за серебряную амальгаму как фотоснимки. Должен иметься способ извлекать их оттуда.

Додумать эти мудрые мысли мне не дает стук в дверь. Конечно, куда лучше, если у тебя в доме стоит видекамера. Сразу можно узнать, кому ты понадобилась. Если гость не в тему, то вполне возможно сохранить пристойность и прикинуться, будто тебя нет дома. Но у нас в Хёгкуле установка такого вот оборудования считается дурным тоном, люди предпочитают живое общение. Я уже догадываюсь, кто это может быть.

По тому, как человек приходит в гости, можно многое сказать о его характере. Есть люди, которые стучатся властно, будто бы к себе домой. Они не допускают и мысли о том, что им могут не открыть. Некоторые умеют это делать как-то официально. Находятся и скромники. Они скребутся будто провинившийся кот. Вот такой стук только что и прозвучал.

Я глубоко вздыхаю. Несомненно, на крыльце стоит Йак Линд – наш звукорежиссер. Про себя я называю его безвредным Йаком. В свои двадцать пять лет он умудрился сохранить внешность семилетнего мальчишки. Такие же удивленные и широко раскрытые глаза, тонкие как шелк кудряшки и нежная кожа, на которой там и сям спонтанно проступают розовые пятна.

Не могу избавиться от впечатления, что на губах у него еще не обсохшее молоко. При этом Йак Линд высокий и достаточно ладно скроенный парень, но он стесняется своего роста, а потому постоянно горбится.

Я открываю дверь. Так и есть, это Линд.

– Привет, Йак, – говорю я и отступаю, пропуская его в прихожую. – Проходи.

– Я шел мимо, – мямлит Йак, и на его щеках мгновенно проступает румянец, потому как врать он не умеет абсолютно.

Ну как он мог идти мимо? Нет такого маршрута в нашем Хёгкуле! Ему как минимум пришлось сделать крюк в половину километра, и это в случае, если он решил наведаться в наш супермаркет. Но поскольку в руках у него нет пакета, то ясно, что в магазин он не заходил. Естественно, Линд просто захотел меня увидеть, но не решается сказать об этом открыто. Милый парень.

– Я тебе сказала – проходи, – напоминаю я.

Йак, как обычно, потерял голову, глядя на меня, и растерялся. Не стану врать, это приятно осознавать. Но он абсолютно безобидный. Я воспринимаю его как младшего братишку, которого следует оберегать и не давать в обиду.

Марта уверяет, будто Линд влюблен в меня по уши. Мне же кажется, что это несколько другое чувство. Та девушка, к которой он заходит так вот по дороге чуть ли не каждый день, совсем не я. Она другая. Он придумал ее. А я лишь оболочка, что-то вроде фотографии поп-звезды, на которую молятся фанаты. Я излагаю это довольно путано, но так оно и есть в наших отношениях.

Йак проходит, садится в то же самое кресло, что и всегда, смотрит на меня. А мне хочется улыбаться, такой он забавный и беспомощный. Интересно, как он повел бы себя, если бы я сейчас взяла его за руку и заглянула в глаза? Наверное, испугался бы до смерти. А то и убежал бы.

– Кофе будешь? Я уже пила.

– Тогда и я не стану, – мямлит Йак.

– Нет, ты выпьешь. Я же вижу, тебе хочется, а своим желаниям всегда нужно уступать.

Я наливаю ему полную чашку, спрашиваю, бросать ли сахар, хоть и знаю, что он пьет горький кофе. Но это ритуал.

– Не надо сахара. Я люблю натуральный вкус, – произносит Йак, принимая от меня чашку.

Должна признаться, я просто обожаю иногда его слегка подразнить, немного поиздеваться. Не со злостью. В моих приколах только доброта и желание сделать Йаку приятное. И это абсолютно не сложно. Он славный парень, отличный профессионал.

Я сажусь напротив него, забрасываю ногу за ногу. При этом полы халата слегка расходятся. После чего я меняю ноги, но делаю это несколько замедленно. Линд не в силах устоять, он опускает взгляд. Наверняка у него в мозгу сейчас звучат хрустальные колокола, ведь он на секунду увидел белую полоску моего белья.

Казалось бы, что здесь такого? Но Йак, как и я, любитель додумывать. Фантазия дорисует ему полную картину. Он старается не подавать вида, но мозг ему переключилось. Если я продолжу молчать, то он тоже не скажет ни слова.

– Но ты же не просто так зашел ко мне. – Я возвращаю его к реальности.

Да, иногда я все же копирую Марту. Это ее конек – раззадоривать мужчин, а потом опускать их на землю.

Опасное занятие. Не каждый мужчина способен вовремя остановиться. Но Йак абсолютно безобидный, я в этом уверена. Если ему сказать «нет», он поймет это слово именно так, как и надо.

Наконец Линд понимает, что я его о чем-то спросила, начинает часто моргать. Ему неудобно признаться в том, что он не услышал моих слов.

– Ты зашел, чтобы мне что-то сказать? Отдать? Сделать? – прихожу ему на помощь я.

Фраза звучит не совсем корректно, даже провокационно. Но я сейчас не в эфире, могу себе это позволить.

– Ах, да, конечно, – спохватывается Йак, лезет в карман и достает компакт-диск в бумажном конверте. – Я залил на наш сервер новую музыку. Вот плей-лист.

Я понимаю, что с этим плей-листом я могла бы ознакомиться в студии, получить его по электронной почте. Но тогда у Йака не появился бы повод заявиться ко мне лишний раз.

– Спасибо, я просмотрю его, – включаюсь я в игру.

– Это наша общая работа. – Йак пожимает плечами и делает еще один небольшой глоток.

Я вижу по его лицу, ему хочется, чтобы кофе в чашечке не кончался. Так неторопливо пьют хороший виски, смакуя, дожидаясь, пока он целиком всосется в язык. Милый Йак, он так нежно ко мне относится, что даже боится сделать попытку ненароком прикоснуться.

Лишь один раз в жизни я видела его другим – на вечеринке в честь дня рождения Марты. Тогда Линд и я хлебнули лишнего. Возможно, я еще слегка переборщила, дразня его. Йак предложил выйти на крыльцо, подышать свежим воздухом. Я согласилась, будучи уверенной наперед, что ничего мне не угрожает. Минут пять мы смотрели на звезды. Затем Линд сказал какую-то банальность, не к месту помянул луну, которой, кстати, на небе не было. Потом Йак сжал мою ладонь. Он напрягся и даже дрожал, пораженный собственной наглостью.

А мне стало смешно, я еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться. И вдруг Йак прижал меня к себе, полез целоваться. Я вырывалась, отворачивала лицо, из-за чего он просто облю- нявил мне нос. Вот тогда я и сказала ему «нет». И все прекратилось как по мановению волшебной палочки. Линд отпрянул, стал говорить в свое оправдание что-то несвязное, а потом и вовсе убежал.

Назавтра, когда мы встретились на работе, я пожалела его. Он сказал, что перебрал и ничего не помнит, попросил прощения, «если что-то было не так». Я сказала, мол, не о чем беспокоиться, ничего такого не произошло.

С тех пор и продолжают наши странные встречи, когда он заходит ко мне по дороге, каждый раз придумывая новые и новые предлоги. Думаю, если бы ему все-таки удалось бы меня поцеловать в тот вечер, то он теперь считал бы себя обязанным на мне жениться.

Не знаю, есть ли моя вина в том, что Линд крутится возле меня и его практически не интересуют другие девушки. Наверное, я приручила его. Так можно привязать к себе бездомного котенка, однажды покормив его с рук. Йак и в самом деле очень домашний и смущает меня не больше того же котенка.

– Извини, но мне пора собираться, – говорю я, подсаживаюсь к трюмо и выставляю на столик косметику. – Тебя не будет смущать то, что я крашусь при тебе? Если хочешь, налей себе кофе. В колбе еще немного осталось. Правда, он остыл, но можешь подогреть в микроволновке. Я иногда так делаю.

Кофе позволяет Йаку получить официальную возможность немного задержаться в моем доме. Парень сидит у меня за спиной и рассказывает о том, что собирается записать свою новую песню. Нет, конечно, он не рассчитывает, что она когда-нибудь станет хитом, пишет исключительно для себя. Однако на самом деле я знаю, что он делает это для меня.

– Опять про неразделенную любовь? – как бы между прочим интересуюсь я и, чтобы не вгонять Йака в краску, тут же тоном университетского преподавателя продолжаю: – Это правильно. Тема неразделенной любви выигрышная в поэзии. Особенно в песенной. Большинство общепризнанных поэтических шедевров объединены этой темой.

Йак слушает. Но я-то знаю, что он не слышит сейчас смысла моих слов, просто наслаждается их звучанием. Так можно относиться к журчанию ручья. А потому я перестаю особо заботиться о содержании своего монолога, крашу ресницы и вещаю.

На самом деле я просто боюсь признаться себе самой, что во многом такая же, как и Йак, вот только вид делаю, будто разбираюсь в жизни. Я так же, как и он, мечтаю о другом существовании. Мне кажется, пока еще я вроде куколки, не стала бабочкой, не расправила крылья. Моя заветная мечта – написать книгу. Но в прозе, в отличие от поэзии, любовь должна быть разделенной и счастливой. Когда-нибудь я напишу ее.

Макияж окончен. Можно, конечно, еще немного поиздеваться над Йаком, попросить отвернуться и переодеться, при этом нарочито шуршать тряпками. Но это будет уже слишком. Бедный парень, он и так сегодня натерпелся от меня. Впечатлений ему хватит, чтобы прокручивать в памяти, когда он окажется один. Я просто прошу его выйти и, если хочет, подождать меня на улице. Не сомневаюсь, дождется.

Я становлюсь перед своим любимым зеркалом и сбрасываю тяжелый махровый халат, затем неторопливо избавляюсь от трусиков. Не знаю, правильно это или нет, но я люблю разглядывать свое тело в зеркале. С одной стороны, оно мне безумно нравится, с другой, я нахожу в нем десятки недостатков. Вот, например, у меня соски разные – правый выступает так, как и положено, а левый слегка вмят внутрь. Но если его поласкать пальцами, то он распрямляется, выходит наружу, твердеет.

Теперь к прежним недостаткам прибавился еще один – синяк на груди, будем надеяться, что временный. Я осторожно замазываю его тональным кремом, при этом понимаю идиотизм такого занятия. Ведь никому я грудь в ближайшее время показывать не собираюсь, а саму себя не обманешь.

Немного прохладно, в доме гуляет сквозняк. Я подрагиваю, но не столько от холода, сколько от опасения, что в дом сейчас может зайти кто-нибудь, хотя бы и Йак. Ведь входная дверь осталась незапертой. Но я не собираюсь ее замыкать. Мне приятен этот похожий на щекотку, подступающий к сердцу легкий страх. Он возникает от мысли о том, что кто-то может застукать меня перед зеркалом голой, разглядывающей свою грудь.

Линд, наверное, уже поглядывает на часы. Нельзя так злоупотреблять его временем. Я одеваюсь и выхожу из дома. Йак прячет мобильник.

– Извини, что задержалась, – говорю я.

– Все в порядке. Я как раз успел почистить в памяти телефона ненужные сообщения. Все собирался, да времени не находилось.

Я не так часто шлю что-нибудь Йаку. Уверена, ни одно из моих сообщений он не удалил. А вот Линд пишет мне постоянно, лишь только подворачивается удобный случай.

– Составишь мне компанию? – спрашиваю я для порядка.

Конечно же, он составит, кто бы сомневался. Глаза Йака смотрят растеряно и доверчиво.

– Тебя не затруднит? – в свою очередь спрашивает он.

– Нисколько.

Я выкатываю из-под навеса старенький скутер. Машиной – кстати, одной на двоих с Мартой – я пользуюсь лишь тогда, когда приходится ехать достаточно далеко. А так скутер – идеальный транспорт для перемещения в пределах Хёккуля. Топливо жрет минимально, неприхотлив, с парковой проблем не существует. Вот только зимой на нем бывает холодно ездить.

Я сажусь за руль, Йак устраивается за моей спиной. Сиденье коротенькое. Парню, чтобы не свалиться с него, поневоле придется прижиматься ко мне. Однако Йак слишком тактичен, чтобы позволить себе такое без моего разрешения. Я запускаю двигатель, оборачиваюсь и читаю в глазах Линда опасение насчет того, будто боюсь непристойно близко сдвигать наши тела.

– Держись крепче, – благородно советую я ему. – Мне совсем не хочется становиться зачинщицей дорожно-транспортного происшествия.

Йак счастливо, по-детски улыбается. Разрешение получено, теперь он имеет полное право обхватить меня за талию, прижаться ко мне, дышать в затылок.

Не стану врать, мне это тоже немного приятно. Я всегда чувствую себя уверенней, когда понимаю, что нравлюсь мужчинам. Конечно, это не совсем честная игра. Я-то знаю, что больше мне от них ничего не нужно – лишь поднять свою самооценку. Я довольствуюсь пониманием своей привлекательности, а уж какие картины в дальнейшем дорисовывает их фантазия, не мое дело.

Мне не нужен конкретно Йак или кто-то другой. Я хочу встретить принца моей мечты, которого выдумала точно так же, как Линд – меня. Я знаю, что его не существует. Но чудеса иногда случаются, иначе скучно жить.

Мы выкатываем скутер на улицу. Йак крепко держится за меня, боясь пошевелить пальцами. Вдруг я подумаю, будто он покушается на мое тело, получает от него удовольствие! Ведь это уже что-то вроде воровства. Парень наверняка чувствует под ладонью низ лифчика, туго обтягивающего мою грудь, вот и затаился.

Журчит маломощный мотор. Скутер послушен мне. Мы выезжаем на центральную площадь городка. Слева возвышается колокольня кирхи. Справа растянулось здание бывших торговых рядов, где теперь располагаются несколько магазинчиков и кафешек. Я жду, пока переключится светофор.

Мобильник, до этого молчавший, вдруг оживает, вибрирует в кармане джинсов. Кто-то нашел время звонить! Сигнал светофора становится зеленым, я трогаюсь с места.

– Йак, ты чувствуешь дрожь? – чуть повернув голову, кричу я.

Линд испуганно выдает:

– Нет у меня никакой дрожи.

Бедняга наверняка подумал, что я имею в виду подрагивание его ног, которыми он сжимает мои бедра.

– Телефон в правом кармане джинсов. Он звонит.

– И что я должен делать?

– Вытащи его и посмотри, кому я понадобилась. Только не свались.

Я бы ответила сама, но тут, как назло, стоит знак, запрещающий остановку.

Йак отпускает правую руку, при этом, следуя моему совету не свалиться, вынужден перехватить левую чуть выше. Теперь получается, что низ моей груди оказывается в его пальцах. Уже от одного этого у него наверняка мозг вынесло. А ведь его другая ладонь находится в моем кармане. Йак выковыривает оттуда мобильник, для чего шевелит пальцами.

Укушенная грудь отзывается легкой болью, но я молчу. Если я скажу «мне больно», то Линд черт знает что подумает.

– Не вырони телефон на дорогу. Я купила его всего месяц назад. Будет очень жалко.

Наконец-то верещащий мобильник извлечен. Йак тычет его мне прямо в лицо, закрывая обзор.

– Так кто звонит? – спрашиваю я.

– Марта Лофгрэн.

– Ответь, пусть подождет, за перекрестком я остановлюсь.

Вместо того чтобы просто сказать Марте «подожди немного», Йак зачем-то принимается детально описывать ей ситуацию, в которой мы оказались. Мол, я управляю скутером, а он сидит за мной, рискуя свалиться, ну а на улице запрещено останавливаться.

Я проезжаю перекресток, заруливаю на тротуар и завладеваю мобильником. Йак продолжает держаться за мою грудь. Это меня отвлекает, а потому мне приходится встать, снять шлем и вручить его Линду.

– Да, Марта, слушаю тебя. Теперь я уже могу говорить, – произношу я.

– Снова искушаешь Йака? – спрашивает подруга.

– Мне это абсолютно не нужно. – Я кошусь на своего пассажира, который делает вид, будто не слышит моих слов и не догадывается, о чем мы сейчас говорим с Мартой.

– Ты тоже стерва, только еще более жестокая, чем я. Я-то мужчинам иногда кое-что позволю с собой делать.

– Ты звонишь, чтобы мне об этом сказать?

– К слову пришлось. Я звоню тебе, чтобы сказать – Шарлотта Берглунд нашлась. Выходит, ее привез в Хёгкуль тот самый шикарный лимузин.

– Ты с ней уже встречалась?

– Шарлотта от меня шарахнулась на улице, лишь только я спросила, где она была все это время. Сейчас она в фитнес-центре. Я бы сама попыталась ее раскрутить, но мне нужно обязательно получить информацию о покупателе замка. Это же будет настоящий ужас, если мы сообщим о нем позже, чем газета. Мы всех рекламодателей растеряем. У меня скоро встреча с информатором.

Я вынуждена мысленно согласиться с Мартой и уже чувствую, о чем она меня попросит.

– У тебя до эфира еще есть время. Заскочи к Шарлотте, поговори с ней. Может, она откроет тебе душу? У меня такое чувство, что все это взаимосвязано.

– Что именно?

– Исчезновение Шарлотты, покупка замка и шикарный лимузин. Значит, договорились. На тебе Шарлотта, за мной покупатель. До связи. Не засовывай далеко мобильник. В любой момент может появиться что-нибудь интересное. До связи.

Я опускаю мобильник в карман, поворачиваюсь к Йаку и говорю:

– Извини, появились срочные дела. Подвезти тебя домой не смогу.

Линд расстроен как ребенок, у которого забрали любимую игрушку. Будь его воля, он часами ездил бы по Хёгкулю, сидя за мной, лишь бы иметь возможность обнимать меня за талию и сжимать коленями мои бедра. Но, хорошего понемногу, пора расставаться.

Я вижу, что ему мало полученного удовольствия. Йак не прочь еще и поцеловать меня на прощание. Я колеблюсь, стоит ли подставлять щеку.

Логика по формуле «от меня не убудет» тут не действует. Если ты один раз открыто позволяешь что-то другому человеку, то тем самым раздвигаешь для него рамки дозволенного. Поцелуй в щеку? А что случится в следующий раз? В губы?..

Я вовремя вспоминаю о своей поездке в Стокгольм. Опыт Юхона Улссона, секретаря по связям с общественностью Классической либеральной партии должен пригодиться. Я протягиваю руку. Йак слегка разочарован, но пожимает мою ладонь чувственно, задерживая в своей дольше положенного. Мои пальцы буквально выскользывают из его захвата.

– Эли! – произносит Йак. – Можно как-нибудь пригласить тебя в кафе или... – Он запинаясь, закатывает глаза и добавляет: – На пикник?

Это уже что-то новенькое. Так далеко в выражении своих чувств он еще не заходил. Я догадываюсь, что произнести такое в его понимании – это то же самое, что и признаться в любви, то есть серьезный мужской поступок.

«Элинор Мартинссон! – обращаюсь я к себе в мыслях подчеркнуто официально. – Ты же знаешь, что Йак тебе не нужен, а при этом прикармливаешь его с ладони. Отпусти парня. Такое в твоих силах. Перестань играть с ним. Он не кукла из твоего детства, а живой человек. Ты даешь ему надежду, будоражишь фантазию».

Тут я сообразила, что уже не сама к себе обращаюсь. Проснулся мой проклятый внутренний голос. Вечно ему не нравится, когда я испытываю приятные ощущения.

Скажите, почему почти все приятное непристойно? Например, мне нравится есть руками. Так я и делаю, оставшись наедине с собой. Облизывать пальцы, измазанные кетчу-

пом, – что в этом такого? Но в кафе я вынуждена даже картофель фри есть вилкой и держать ее непременно в левой руке.

Временами мне приятно дразнить Йака. Почему я должна себе в этом отказывать? К тому же это нравится и ему. Всего лишь невинный флирт.

Линд терпеливо дожидается моего ответа.

– Подумаю, – говорю я слово, которое меня ни к чему не обязывает, и вешаю шлем на руль скутера.

Фитнес-центр находится неподалеку от центральной площади. Не трудно и пешком пройти.

– Это можно сделать в любой день, когда у тебя найдется для меня время, – предлагает Йак, совершая классическую ошибку тех парней, которые хотят понравиться девушке.

Если бы он назвал конкретный день, то мне пришлось бы сказать «да» или «нет», а так в силе остается мое неопределенное «подумаю». Йак все еще топчется возле скутера, но я не даю ему шанса увязаться со мной.

– Пока! – говорю я и машу рукой.

– Пока, – обреченно произносит Линд и идет в сторону кирхи.

Итак, мне доверено редакционное задание. Я должна раскрутить Шарлотту Берглунд на откровенность, узнать, с кем она была последние дни, почему исчезла из Хёгкуля, наплевала на работу, предпочла раскатывать на дорогушем лимузине.

Начнем с того, что эта дама никогда не являлась моей подругой, а потому вряд ли будет настроена изливать мне душу. Послала же она Марту! Значит, все следует обставить так, словно я появилась случайно, вовсе не собиралась ее допрашивать. Ну, почти как Йак, который просто проходил мимо моего дома.

Легальная возможность появиться в фитнес-центре у меня имеется. Благо наша радиостанция постоянно крутит его рекламу. В качестве дополнительного бонуса каждому сотруднику радиостанции выдан «вечный» абонемент на посещение в любое время. Грех не воспользоваться.

Единственное, что меня подвело, так это экипировка. Мне приходится зайти в магазин и приобрести самое дешевое гимнастическое трико, которое там только нашлось. Надеюсь, один тур занятий оно выдержит. В соседнем кафетерии я покупаю пакет пончиков.

Мелодично блямкает колокольчик на двери. Меня здесь знают, я появляюсь не слишком регулярно, но пару раз в месяц – это точно. Я иду переодеваться. На этот раз мне не до эротических фантазий.

В раздевалке две немолодые толстухи. Глядя на них, поневоле цепенеешь. Они уже окончили занятия и собираются в душ. Раскрасневшиеся туши поблескивают от выступившего пота. Эти красавицы сидят нагишом на разосланных полотенцах. Их груди тяжело отвисают, растекаются по складкам животов. При желании такую вот грудь можно забросить за спину через плечо. Если белье и одежда еще как-то маскируют подобные безобразия, то обнаженка не оставляет толстухам ни одного шанса.

Я тут же даю себе очередной зарок строго следить за своим весом, и если появится лишний килограмм, сразу же его уничтожить, пусть даже придется несколько дней поголодать. Меня так и подмывает спросить, каким образом мужья умудряются добираться до их прелестей, если те обросли толстым слоем сала? Хотя, наверное, и мужья у них такие же безобразно обрюзгшие и жирные. Для меня вообще, загадка, как занимаются сексом толстые пары? Как они пристраиваются друг к другу. Или секс для них уже давно заменили гастрономические вкусы?

Увиденное еще выше поднимает меня в собственных глазах. Натянув гимнастическое трико, я выхожу в тренажерный зал. С этой покупкой я немного ошиблась. Нижние вырезы не совпадают с бельем. Мне приходится заталкивать края трусиков, от чего под трикотажем

проступают отвратительные бугорки. Я стараюсь об этом не думать. Голые ступни приятно проваливаются в мягкий мат, словно идешь по чему-то живому.

Народу немного. Для занятий я выбираю беговую дорожку. Она ближе всего к стеклянной перегородке, за которой виднеется Шарлотта Берглунд. На ней свободный красный спортивный костюм и просторная белая байка с отброшенным капюшоном. Хотя, насколько я помню, раньше она предпочитала обтягивающие одежды.

Гудит привод, мчится лента под ногами. Я бегу трусцой. Как всегда, моя роскошная грудь начинает упруго колыхаться, чуть запаздывая относительно движения других частей тела. Краем глаза отмечаю, как все трое мужчин, находящихся в зале, косятся на меня. Один даже сменил тренажер, чтобы оказаться поближе и лучше видеть. Ему будто бы срочно понадобилось подкачать грудные мышцы. Кого он хочет обмануть – меня или себя? Ведь и ребенку понятно, что на время тренировки очки лучше снять. Он пришел не столько тренироваться, сколько поглазеть.

На дисплее беговой дорожки пляшут цифры – время, скорость... Самая таинственная из них для меня – количество калорий, сожженных за время занятий. Если верить прибору, чтобы отработать один пончик, съеденный мной, следует без усталости бежать четыре часа к ряду. Куда же девается все остальное? Вот вопрос.

Наконец-то Шарлотта замечает меня, машет рукой, спрашивает взглядом, нужна ли ее помощь. Я отрицательно кручу головой, машу ей в ответ. Она опускает голову и что-то быстро листает.

Я для приличия еще немного занимаюсь, вишу на турнике, качаю пресс и бедра, после чего иду в стеклянную загородку к Шарлотте. По пути машинально отмечаю, что очкарик, потеряв меня из вида, тоже закончил занятия на своем тренажере. Теперь он перебирается поближе к своей очередной молоденькой жертве с аппетитной, с его точки зрения, попкой. На этот раз данный тип меняет ракурс. То, что ему интересно, он рассматривает уже снизу, заняв место под стойкой со штангой.

Ладно, пусть уж лучше пялится на нас в тренажерном зале, чем сдерживается. Эмоции, загнанные внутрь, могут потом выплеснуться наружу неудержимым фонтаном. Вот так появляются на свет сексуальные маньяки.

– Привет, – говорю я, заглядывая за перегородку. – Ты не против попить кофе, а заодно и поболтать?

Шарлотта быстро захлопывает какой-то толстый каталог и прикрывает его газетой. По негласному договору Шарлотта угощает наших сотрудников кофе. В качестве компенсации я ставлю на столешницу пакет с пончиками.

– Можно, – соглашается фрекен Берглунд и идет набирать воду.

Я, конечно же, беру газету, которая меня абсолютно не интересует. Мне хочется узнать, что она собралась покупать. Оказывается, Шарлотта со своими скромными доходами рассматривала в каталоге образцы дорогой мебели. Цены такие, что мне хочется присвистнуть. Вот и выстраивается цепочка – катание на лимузине, дорогая мебель...

Она что, нашла себе мужчину, готового солидно тратиться на нее, оплатить новую обстановку, чтобы потом навещать в изысканных интерьерах? Но не спросишь же об этом в лоб.

Когда Шарлотта приносит воду и заливает ее в кофеварку, я уже сижу с пустыми руками. Каталог опять накрыт газетой.

– Как провела время в Стокгольме? – невинно спрашиваю я и вижу, что лицо Шарлотты становится испуганным.

– Все нормально. Извини, что тогда у кафе не вышла с тобой поболтать, – микширует ситуацию она.

– Оно и понятно. Ты же была не одна, – произношу я и ожидаю, что Шарлотта не преминет похвалиться богатым бойфрендом.

Но не тут-то было, она молчит.

– Шикарный лимузин, – вынуждена сказать я. – Наверное, и владелец хорош собой? Влюбился бы в меня такой человек!..

– Я не могу об этом говорить, – твердо произносит Берглунд, хотя по ее глазам вижу, что ей невтерпеж рассказать.

– Почему? – искренне интересуюсь я.

– Не могу. – Шарлотта волнуется и даже закрывает себе рот ладонью.

– Но я же вижу, ты хочешь поделиться.

– Хочу, меня прямо распирает. Но не могу, и все на этом.

– Он что, известный, публичный человек? У него есть жена, и ты не хочешь его компрометировать? – строю я догадки.

– Мне будет очень плохо, если я расскажу. – Шарлотта сильно трет виски. – Если он узнает об этом, я буду должна... – Вновь нешуточный испуг в глазах и рот, прикрытый ладонью.

Мне даже становится ее жаль.

– Если очень хочется, то нужно рассказать. Иначе ты взорвешься изнутри, – говорю я и чувствую себя подлой. – Дойдешь до психоза. Он угрожал тебе? Запугивал?

– Нет, нет, нет!.. – Шарлотта мотает головой. – Ты ничего не понимаешь.

– Я не говорю, что ты должна рассказать все именно мне. У тебя же есть и близкие подруги.

– Я никому не могу рассказать. Ни одной душе на этом свете.

Мой градус заинтригованности повышается. Надо мной довлеет уже не столько редакционное задание, сколько частное любопытство. С другой стороны, я вижу, что признание из фрекен Берглунд могли бы вытащить раскаленными щипцами только запечных дел мастера Святой инквизиции. К сожалению или к радости, вот уже четыреста лет как Швеция протестантская страна, так что заняться раскруткой Шарлотты некому. Нет у нас Святой инквизиции.

– Он кровавый маньяк, страшный извращенец? – с замиранием сердца спрашиваю я.

– Ты ничего не понимаешь. Нет, тебе ясно, что я скоро взорвусь. И это правда.

– Тем более расскажи. Пусть не мне, не подруге.

– А кому? – В глазах Шарлоты загорается надежда.

– Несмышленому ребенку, например.

– Детям такое рассказывать нельзя!

Я тут же вспоминаю сказочку о принцах, которую мне, хочешь, не хочешь, а придется в ближайшее время прочитать в эфире.

– Тогда... тогда... – Я морщусь лоб.

И тут по ассоциативной цепочке мне вспоминается другая сказка, слышанная в детстве от бабушки. Король в погоне за дичью отбил от своей свиты на охоте, долго блуждал по лесу, страшно проголодался. К вечеру он набрел на лесную избушку, в которой жила нищая старуха.

Из еды у нее в доме имелись лишь грубые отруби, которыми обычные крестьяне кормили свиней. Старуха запарила их. С голодухи король набросился на такое вот угощение и съел тарелку без остатка.

Наконец свита отыскала пропавшего монарха. Прежде чем ехать, он отвел старуху в сторону, щедро заплатил ей и приказал, чтобы она никому и никогда не признавалась, что в ее доме король ел отруби словно свинья.

Вскоре старуха, теперь уже совсем не нищая, стала прямо разрываться от желания рассказать кому-нибудь про тот случай. Ни спать не могла, ни есть. Запретное всегда манит.

Все же она нашла выход. Забралась в чашу, отыскала дерево с дуплом, засунула в него голову и несколько раз прокричала: «Король ел отруби как свинья! Король, как свинья, ел отруби!». После этого ей полегчало.

Прошло некоторое время, дерево с дуплом срубили, отвезли в столицу, сделали из него барабан и вынесли его на парад. Стоило барабанщику ударить по нему палочками, как по площади перед королевским дворцом громогласно разнеслось признание, томившееся в дупле: «Король ел отруби как свинья! Король, как свинья, ел отруби!».

– Ну?.. – вырывает меня из задумчивости Шарлотта.

– Кажется, для тебя существует выход.

– И какой же?

Я понимаю, что пересказывать ей сказку нельзя. Там концовка такая, что перечеркивает спасительную возможность безнаказанно выговориться – старуха-то плохо кончила. Думаю, двадцать лет тому бабушка просто пожалела мою детскую неокрепшую психику и опустила финальный эпизод сказки. Король должен был поквитаться с болтливой старухой. Минимум – забрать у нее свои деньги, максимум – приказать отрубить голову, чтобы заткнулась навсегда.

– Так какой же выход ты видишь, Элинор? – долетает до моих ушей.

– Тебе нельзя никому рассказывать о том, что было?

– Этого категорически нельзя делать. Большого объяснить не могу. Поверь на слово.

– И не надо. Приди домой, засунь голову в духовку или в барабан стиральной машины и выговоришься вволю. На душе станет легче.

Я вижу, что Шарлотта всерьез рассматривает мое предложение, но почему-то ей не нравится вариант с духовкой. Ну, не хочется ей совать туда голову. Соображаю я быстро. Духовка и барабан стиральной машины – это всего лишь трансформировавшееся сказочное дупло. Надо оставить сам принцип, а дупло заменить чем-нибудь другим, близким по функции, но не слишком похожим внешне.

– А моя голова влезет в барабан стиральной машины? – на полном серьезе спрашивает Шарлотта.

Чувствуется, что духовку она уже отмела напрочь, связав ее в подсознании с попыткой самоубийства.

– Твоя влезает?

– Кажется, влезает, но я не пробовала, – честно признаюсь я. – Думаю, можно просто запереться в туалете и рассказать все как есть унитазу или биде.

Идея Шарлотте импонирует. Значит, несчастная и впрямь дошла до критической точки.

– Так и сделаю, – говорит она. – И как ты до этого додумалась, Элинор?

Открывать ей тайну со сказкой я не решаюсь, озвучиваю другую версию:

– Я же радиный модератор, это профессиональное. Выслушала бы ты столько душещипательных звонков от слушателей в ночном эфире, сколько я, сама бы додумалась. Кого-то любимый бросил. У кого-то лучшая подруга парня увела. Кто-то сам изменил и потом не знает, что с этим делать. А я должна с ходу толковый совет дать. Для человека иногда главное – выговориться, озвучить свою проблему.

Мы поговорили бы еще, но в стекло выгородки постучал очкарик. Мол, ему нужна помощь тренера. Я бросаю взгляд в тренажерный зал. В нем не осталось ни одной молодой стройной женщины, на которую можно пялиться, вот он и стучит. Шарлотта может привлечь мужское внимание.

– Удачи, – желаю я. – Когда-нибудь ты не только унитазу, но и мне все расскажешь.

– Хотелось бы, но я так не думаю, – отвечает мне фрекен Берглунд.

Глава 5

*Машина как одухотворенное существо
Политика мэрии и королевства
Классика литературы и желание обнажиться
Тайно снятые трусики
Кому это надо? Мне?*

Я люблю свой старенький скутер, купленный на первые деньги, заработанные на радиостанции. Он попал в мои руки уже не новым. Впрочем, не только в руки. В конце концов, я сижу на нем, когда езжу. Так что не знаю, как правильно и выразиться.

В каком-то смысле он – самое близкое мне существо. Не бездушный механизм, а именно существо. У него есть свой характер, свои причуды и заморочки. Например, когда он не хочет заводиться, надо просто немного выждать, поглаживая его по рулю, как котика между ушами, приговаривая при этом:

«Ну, милый мой мальчик, заведись. Что тебе стоит? Ты же хороший. Ты это умеешь, ты не подведешь».

Самое странное в том, что обычно такая метода действует. Заводится. Он в самом деле мальчик, а не девочка. Я это чувствую. А вот «Хонда», принадлежащая мне и Марте, точно девочка. Вот только имени у скутера нет – мальчик и мальчик. Как нет его и у машины.

Я верхом на скутере вновь тихо качусь по Хёгкуле и успеваю здороваться со знакомыми. Уже понемногу смеркается. Наша радиостанция расположена в настоящем медвежьем углу. Чтобы добраться до нее на колесах, следует выбраться на магистраль, проехать три километра до развязки, вернуться назад, а потом...

Но я не собираюсь этого делать. Ведь у меня есть скутер. С ним я мгновенно могу превратиться из участницы дорожного движения в пешехода. Стоит только слезть с него и покачать руками.

Я торможу возле мотеля на выезде из Хёгкуле, затаскиваю скутер на тротуар, приговаривая: «Потерпи, мальчик, ты меня сейчас снова повезешь. Там будет не так комфортно, как на гладком асфальте, но ехать можно». Надо же ему объяснить, что его ждет. Он не первый раз терпит мои капризы.

Вновь журчит двигатель, я сажусь в седло и скатываюсь с горки на лесную тропинку. Наш городок весь расположен в лесу. Повсюду – во дворах, на улицах растут сосны и ели. Иногда они попадают даже на разделительных полосах дорог.

Но тут уже настоящий лес, особенно мрачный в сумерках. Тропинка петляет, обходя большие валуны. Скутер подбрасывает на корнях, которые змеятся, выныривают и снова прячутся в мелком песке. Свет фары пляшет на золотых стволах сосен.

От тряски во время езды верхом мне приходится ерзать по сидению. От этого я начинаю чувствовать легкое возбуждение. Оно понемногу разрастается, между ног у меня теплеет. Скутер мелко подпрыгивает на корнях.

Я чувствую беспокойство и упоительный стыд. Нет, конечно, я не позволю себе дойти до оргазма. Это уж слишком. Скутер, конечно, мальчик, но не с ним же заниматься этим, тем более на ходу, в одежде. Я снижаю скорость, но успела слегка завестись, и градус не снижается.

«Стоп! – говорю я сама себе и останавливаюсь. – Этого еще не хватало. Эли, остынь, успокойся, ты переходишь границы пристойности». – Я глушу мотор и тут же слышу звуки леса.

Шумит ветер, потрескивают ветви, звучат голоса птиц, устраивающихся на ночь. Мне так и хочется закрыть глаза и слушать. Что я и делаю. Когда открываю их, то вижу, что моя ладонь уже лежит между ног. Она еще не прижата, не давит, но уже оказалась там.

Я отдергиваю руку, и тут снова просыпается внутренний голос. Временами он невыносим. Почему он возражает мне, нашептывает против моей воли?

«А что такого, собственно, произойдет? Чего ты паникуешь? – вкрадчиво звучит у меня в голове, и это не мой голос, вернее, мой, но он не женский, а мужской. – Это твое тело. Ты можешь делать с ним все, что хочешь и где хочешь. Почему ты противишься?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.